

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

Том 1 № 1 (1) 2015

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с августа 2015 года
Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Л. Б. Парфенова, доктор экономических наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
З. В. Брагина, доктор технических наук, профессор, МУБиНТ (Ярославль, РФ)
Л. А. Карасева, доктор экономических наук, профессор, ТвГУ (Тверь, РФ)
И. Ю. Киселев, доктор социологических наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
И. А. Григорьева, доктор социологических наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)
Г. А. Ключарев, доктор философских наук, профессор, Институт социологии РАН (Москва, РФ)
А. И. Василевский, кандидат экономических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
Л. Г. Антонова, доктор педагогических наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
И. А. Стернин, доктор филологических наук, профессор, ВГУ (Воронеж, РФ)
М. В. Шаманова, кандидат филологических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Л. Б. Парфенова, доктор экономических наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Члены редколлегии:

И. Ю. Киселев, доктор социологических наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
М. В. Шаманова, кандидат филологических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
Ф. Н. Завьялов, доктор экономических наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Ответственный секретарь:

А. А. Кострова, кандидат экономических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

РЕДАКЦИЯ

Адрес: ЯрГУ, ул. Советская, д.14, г. Ярославль, 150000, Россия

E-mail: sgz@yandex.ru

Тел.: +7-980-650-81-40 (Кострова Алла Анатольевна)

The Ministry of Education and Science of the Russian Federation

P. G. Demidov Yaroslavl State University

SOCIAL'NYE I GUMANITARNYE ZNANIJA

Volume 1 № 1 (1) 2015

SCIENTIFIC JOURNAL

Start date of publication – August 2015

Published quarterly

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL COUNCIL

Lyudmila B. Parfenova – P.G. Demidov Yaroslavl State University, (Russia)

Zinaida V. Bragina – Yaroslavl International Business and New Technologies Academy (Russia)

Ludmila A. Karaseva – Tver State University (Russia)

Igor Yu. Kiselev – P.G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)

Irina A. Grigorieva – St. Petersburg State University (Russia)

Gregory A. Klyucharev – Institute of Sociology RAS (Russia)

Albert I. Vasilevskiy – P.G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)

Lyubov G. Antonova – P.G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)

Joseph A. Sternin – Voronezh State University (Russia)

Marina V. Shamanova – P.G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)

EDITORIAL BOARD

Editor-In-Chief:

Lyudmila B. Parfenova – P.G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)

The editorial board:

Igor Yu. Kiselev – P.G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)

Marina V. Shamanova – P.G. Demidov Yaroslavl State University, (Russia)

Fedor N. Zavyalov – P.G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)

Editorial Board Secretary:

Alla A. Kostrova – P.G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)

EDITORIAL OFFICE CONTACTS

Mailing Address: Sovetskaya str. 14, Yaroslavl, Russia, 150000

E-mail: sgz@yandex.ru

Phone: +7-980-650-81-40 (Alla Anatolyevna Kostrova)

16+

© P. G. Demidov Yaroslavl State University, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора о новом журнале	5
ЭКОНОМИКА	
Брагина З. В., Туманова Е. Н. Необходимость и возможность сглаживания экономических дисфункций	6
Трофимец В. Я., Трофимец Е. Н. Экономические задачи многокритериального выбора: проблемы и методы решения	14
Лебедев Д. С. Оценка влияния структурных факторов на степень интернационализации валют	25
СОЦИОЛОГИЯ	
Албегова И. Ф. Геронтогруппа: критерии выделения и характеристики в условиях современного российского общества	30
Киселев И. Ю., Смирнова А. Г. К вопросу о функционировании общественного мнения в сфере внешней политики	35
Порывкин В. Н. Политические партии РФ и проблемы соответствия их деятельности социальным интересам российского общества	44
Руденко Л. Д., Афонин М. В. Изучение имиджа города как социологическая проблема	52
ФИЛОЛОГИЯ	
Стернин И. А., Стернина М. А. Актуальные проблемы сопоставительных исследований в современной лингвистике	59
Черненко Н. М. Готовность студентов гуманитарных специальностей к созданию и использованию научного текста в реальной учебно-речевой ситуации	66
Шехтман Э. Н., Шульдешова Т. В. Доминантная лексика в писательской лексикографии	74

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 - 62344 от 03.07.2015 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в Каталоге российской прессы «Почта России» – 31978. Формат А4. Объем 88 с. Тираж 50 экз. Свободная цена. Заказ .
Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова; 150000, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО Филигрань; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91.

CONTENTS

The editor of the new journal	5
ECONOMICS	
Bragina Z. V., Tumanova E. N. The necessity and possibility of smoothing economic dysfunctions.....	6
Trofimets V. Y., Trofimets E. N. The economic problems of multicriteria choice: problems and solution methods.....	14
Lebedev D. S. Assessment of influence of structural factors on extent of internationalization of currencies.....	25
SOCIOLOGY	
Albegova I. F. Gerontology group: the selection criteria and characteristics in conditions of modern Russian society	30
Kiselev I. Y., Smirnova A. G. To the Issue of the Functioning of Public Opinion in the Sphere of Foreign Policy	35
Poryvkin V. N. Political parties in Russia and issues of corresponding of their activities to social interests of Russian society	44
Rudenko L. D., Afonin M. V. The study of the city's image as a sociological problem	52
PHILOLOGY	
Sternin I. A., Sternina M. A. Actual problems of comparative linguistics.....	59
Chernenko N. M. Readiness of students of humanitarian specialties for creation and use of the scientific text in a real educational speech situation.....	66
Shekhtman E. N., Shuldeshova T. V. Dominant vocabulary in writer's lexicography	74

Слово главного редактора о новом журнале

Сообщаем нашим потенциальным авторам и читателям об открытии нового научного журнала в Ярославском государственном университете им. П. Г. Демидова «Социальные и гуманитарные науки», который будет выходить четыре раза в год и знакомить российскую общественность с актуальными вопросами в области экономики, социологии, политологии, филологии. В своей редакционной политике мы намерены придерживаться линии предоставления наибольшей свободы и уважения к позиции исследователей. Журнал будет содержать рубрики с большим количеством разделов, что позволит практически не ограничивать авторов в выборе темы, а читатель сможет получить представление о широком круге проблем современного общества. В наши намерения входит предоставление возможности попробовать свои силы и опубликовать результаты своих научных изысканий представителям молодого поколения: преподавателям, практическим работникам, аспирантам, магистрантам. Представляя данный журнал, редакционная коллегия надеется на внимательное и критически-конструктивное мнение читателей, что позволит углубить и сделать еще более актуальными публикуемые материалы. Мы будем благодарны всем, кому будут интересны представляемые в журнале проблемы, а плодотворное сотрудничество с читателями – залог нашего успеха.

Редакция надеется, что удастся сделать реальностью все задуманное, и читатель оценит материалы нашего издания.

Л. Б. Парфенова

УДК 330.34.01

Необходимость и возможность сглаживания экономических дисфункций

З. В. Брагина, Е. Н. Туманова

*Международная академия бизнеса и новых
технологий*

E-mail: bragina@ksu.edu.ru

Научная статья

Мы привыкли жить в условиях периодически возникающих экономических кризисов. Авторы рассматривают экономические дисфункции как результат управленческой дисфункциональности. Внимание уделяется терминальному управлению, как способу сглаживания экономических дисфункций и предупреждению их.

Ключевые слова: цикличность экономики; дисфункциональность экономики; управленческие функции; явное, неявное знание; рутинные и организмические процедуры подготовки решений; терминальное управление.

Принято считать, что экономика циклична, К. Марксом доказана неизбежность экономических циклов, а, согласно Й. Шумпетеру [1], цикличность рассматривается как закономерность экономического роста. Качественное состояние экономики и ее структура претерпевают существенное изменение с определенной амплитудой колебания, что представляет собой цикличность развития экономики, или, согласно Н. Д. Кондратьеву [2], волны в экономике. В определенный период времени в экономическом цикле наступает «поворотная точка» [3, с. 246] от процветания к депрессии, где начинают проявляться симптомы спада в позитивном развитии экономики. Если вовремя не выявить эту «поворотную точку» цикла, то экономику региона постигает дисфункциональность, или, как принято называть, кризис. Однако, как отмечает О. С. Сухарев [3, с. 160, 182], кризисы вызываются в каждый исторический период своими причинами. Это означает, что причины их возникновения неоднородны, факторная основа у каждого своя. Эффективное управление экономической системой должно предусматривать наступление кризиса экономической системы.

О. С. Сухарев [4] доказывает, что экономика региона характеризуется определенной величиной дисфункционального состояния, которое связано с тем, что она должна выполнять необходимые функции, причем в некотором объеме и определенного качества. Однако в силу дисфункций управления не всегда эти функции выполняются на должном уровне либо не действуют.

Для понимания природы управленческих дисфункций рассмотрим феномен «управление» в двух аспектах.

The necessity and possibility of smoothing economic dysfunctions

Z. V. Bragina, E. N. Tumanova

*International academy of business and new
technologies*

Scientific article

We used to live in conditions of recurrent economic crises. The authors examine the economic dysfunction as a result of dysfunctional management. Attention is paid to the management of the terminal, as a way of smoothing economic dysfunctions and their prevention.

Keywords: cyclical nature of the economy; dysfunctional economy; management functions; explicit, implicit knowledge; routine procedures for the preparation and organismic decisions; terminal control.

В контексте первого аспекта управление понимается как процессы реализации двух концептов подготовки решений: механистического и организмического. Механистический концепт реализуется традиционными (рутинными) инструментами и методами на уровне профессионализма сотрудников, основанного на формализованных (явных) знаниях. Организмический концепт реализуется инновационными инструментами и методами на уровне компетентности сотрудников, основанных на их креативности и интеллекте.

Соотношение между механистическим и организмическим концептом в подготовке каждого решения различно. Если механистический концепт более активен, чем организмический, то субъекту хозяйствования трудно адекватно реагировать на хаотичные изменения (неопределенность, неустойчивость состояния) внутренней и внешней среды экономики региона. Если организмический активнее механистического, то есть когда в подготовку управленческих решений вовлечен интеллектуальный и креативный потенциал персонала, то субъект хозяйствования адекватно реагирует на изменения и устойчиво развивается.

Рассмотрим подробнее роль этих концептов подготовки решений при исполнении управленческих функций.

Ресурсы профессиональной деятельности специалиста определяет его профессиональная подготовка. Наряду с личными деловыми качествами, она предопределяет эффективность и качество профессиональной деятельности, а также формирует представления человека о предмете и объекте его деятельности, т. е. формируют профессиональный контекст «Я-концепции»: самооценку, актуальные цели и осознание собственных возможностей. В результате профессионального обучения в сознании специалиста формируется картина организационной действительности. Каждый специалист имеет свое представление о своем потенциале и желаемых перспективах его развития и использования, о должности, на которую он может претендовать, о своей карьере. Эта картина организационной действительности представляет собой виртуальный мир. Это те представления, к осуществлению которых специалист будет стремиться всю свою жизнь. Какими ресурсами обладает специалист для реализации своих представлений? Прежде всего, собственными знаниями. Его знания надо разделять на две самостоятельные группы: формализованные (явные) знания, т. е. те, которыми владеют и имеют возможность владеть все специалисты, получившие образование, и неявные знания, которые уникальны у каждого специалиста [5].

Формализованные знания произнесены на формальном языке, по правилам грамматики. Этот вид знаний может, таким образом, передаваться среди сотрудников свободно и легко. То есть формализованное знание (или явное знание) может быть выражено словами и цифрами, доступно изложено и распространено в виде:

- отчета, описания, модели, схемы, матрицы, диаграммы;
- математических, физических и химических, экономических формул;
- алгоритмизированных процессов;
- проектов, бизнес-планов, технической документации;
- методов и методик, учебников, лекций;
- инструкций, положений, уставов, свода общих правил, стандартов, законов;
- гипотез и концепций и т. д.

Неявные знания характеризуются как подсознательно применяемые или используемые; получаемые и развиваемые в непосредственных действиях и опыте; распространяемые через общение, наставничество и т. п. Исследователи отмечают, что это персональные, специфические и поэтому трудно вербализуемые знания, характеризующиеся уникальными свойствами. Их развитие можно сравнить с приобретением каких-либо навыков. Неявные знания невозможно представить в виде текста. Они находятся в сознании сотрудников в специфическом организационном контексте и включают неосознаваемые факторы, такие как персональные верования, навыки, опыт, ценности. Таким образом, под определение «неформализованное знание» (или «неявное знание») подпадают:

- субъективное понимание;

- идеалы, разделяемые ценности и испытываемые эмоции;
- предчувствия, прозрения и догадки, личные убеждения, точки зрения и мнения;
- интеллектуальные модели: сформулированные и высказываемые убеждения, подходы к решению общих проблем и задач;
- ноу-хау, умения, компетенции.

Рассмотренные обстоятельства позволяют утверждать следующее. Формальное явное знание – это наше отражение видения объективной реальности, представленное в символической форме, которая выражается вербальным способом или фиксируется на бумажном или электронном носителе. Знание накапливается. Ими владеют или имеют возможность владеть все специалисты определенной профессии. Люди отличаются разной способностью усваивать знания. Индивидуальная способность усваивать знания и создает различия в квалификации специалистов одной профессии. Кроме того, новое знание возникает как результат сравнения наблюдаемого явления (процесса) с его уже осмысленным выражением. Например, подготовка каждого управленческого решения предполагает анализ ранее принятых и выполненных решений (исследований). Вместе с тем анализируется процедура принятия решения и выбирается (обосновывается) метод достижения нового результата, отличающегося от уже известного. Другими словами, бывшее неявное знание становится новым, явным и содержит в себе самом отличие вновь зафиксированного (формализованного знания) от уже известного.

По сути, управленческая деятельность есть процесс формализации представления об объективной реальности как последовательности отличий. Подробно эта проблема рассмотрена в работах З. В. Брагиной, Н. Ю. Андреевой [6], З. В. Брагиной, Н. А. Александровой, Н. П. Гибало, О. Н. Грабовой, Н. В. Исаева [7].

Аргументированные суждения руководителей и специалистов, знакомых с состоянием дел и перспективами развития в различных областях практической деятельности, существенно уменьшают неопределенность изменения параметров ситуации. Вместе с тем важно создать условия, в которых востребовано активное и целенаправленное участие специалистов и руководителей на всех этапах принятия решений, что позволит существенно повысить их качество и эффективность.

Известно, что конкурентоспособность экономики в значительной мере определена интенсивностью генерирования неявного знания [6]. Рассмотрим известные методы формализации неявных знаний.

Структурно-логическая формализация [8]. Процесс структурно-логической формализации отнюдь не равен процессу математизации. Первым шагом этого процесса является формулировка системы понятий, категорий и определений, которые и содержат в себе (отражают) представления об объективной реальности. Это вербальная формализация.

Второй шаг – семиотическая (знаковая) формализация, т. е. выявление взаимосвязей между понятиями. Анализ элементарных взаимосвязей приводит к осознанию наличия (или отсутствия) устойчивых взаимосвязей или отображений (т. е. взаимно-однозначного или не взаимно-однозначного соответствия).

Третий шаг – оформление неявного знания в виде известной формальной структуры: диаграммы; матрицы; графа; блок-схемы и других форм.

Таким образом, первая предпосылка управленческой дисфункции определяется включенностью инструментов формализации неявных знаний в её инструментальный (методический) арсенал. Рутинные процедуры подготовки управленческих решений должны быть дополнены организмическими процедурами. Это утверждение не претендует на оригинальность. В экономической кибернетике хорошо известен «принцип необходимого разнообразия» Эшби: «сложность управляющей подсистемы должна быть выше сложности управляемой». Этот же принцип реализован в теории управления: управленческое решение возникает вследствие двух этапов – подготовки и принятия решения. Если при подготовке решения используются механистические процедуры, в том числе и рутинные, и новационные, то принятие решений происходит посредством организмических процедур: осознание предложенной версии, сравнение с передовыми практиками, ее экспертная оценка (согласование с функциональными

отделами системы управления регионом), публичное обсуждение в профессиональных группах или административных совещаниях и др. Такая процедура подготовки и принятия управленческих решений помогает учитывать постоянно обновляющиеся внутренние и внешние условия хозяйственной деятельности, тем самым предупреждать управленческую дисфункцию. С одной стороны, специалисты управления региональными системами, наращивая свой профессиональный опыт, повышают свою компетентность, что благоприятно проявляется при обсуждении подготавливаемых решений. С другой стороны, периодическое изменение нормативно-правовой базы и неустраняемая неопределенность, порождённая форс-мажорными обстоятельствами, как правило, усугубляет ситуацию. При положительном влиянии названных обстоятельств на эффективность функционирования экономики региона, нельзя не видеть и отрицательных последствий: велика трудоемкость (необходимо рабочее время большого числа специалистов-руководителей); процедура не пригодна для оперативных решений, в то время как такие решения обладают значительным потенциалом эффективности, который может быть не реализован в силу субъективного видения решения проблемы ответственным руководителем или специалистом.

Следовательно, освоенные, фактически используемые методы подготовки управленческих решений, глубина и широта охвата ими постоянно обновляющихся внутренних и внешних условий хозяйственной деятельности предупреждают управленческую дисфункцию.

В контексте второго аспекта каждую функцию управления надо рассмотреть как относительно обособленную систему. Каждая функция управления, как одна из стадий управленческого цикла, имеет свое уникальное назначение (своего рода миссию). Правомочия деятельности, относящиеся к конкретной функции, определены нормативно-правовыми актами или положениями. Способы – технологии деятельности – регламентированы инструкциями, методиками, методическими указаниями, правилами, процедурами. Исполнение каждой функции организовано, то есть полномочия и ответственность за виды деятельности, свойственные назначению функции, закреплены за конкретными должностями. Результаты исполнения деятельности учитываются и контролируются. Как правило, это осуществляется через систему показателей, на которые распространяется сфера влияния управленческой функции.

И, наконец, анализ (или диагностика) насыщенности (достаточности) инструментариями и методами, которые создают (обеспечивают) возможность качественного выполнения каждого вида деятельности в пределах управленческой функции. На этом этапе выявляются проблемы, проявляются расхождения между сложностью ситуаций и известными (рутинными) методами их разрешения. Этот элемент управленческой функции как относительно обособленной системы является мотиватором новаций. Дисфункциональность управленческой функции не возникает, если инструментально-методическое обеспечение ее своевременно дополняется формализованным неявным знанием.

Основываясь на теории экономической дисфункции, эффективность функционирования экономики характеризует качество управления экономикой региона: способность экономики региона к росту, к поощрению инноваций и противодействию рискам, готовность к решению возникающих проблем, мешающих развитию. В таком случае общий вектор совершенствования управления состоит в сокращении числа и глубины дисфункций, возникающих по различным подсистемам экономики региона и в рамках самой системы управления. Именно такое управление, которое призвано не допустить дисфункциональности, и направлено на достижение целей устойчивого функционирования экономики региона, нами понимается как терминальное управление.

Смягчение негативного влияния кризиса на экономику призвана обеспечить функция управления, которую принято называть: «антикризисное управление». Принципиальное различие между антикризисным и терминальным управлением заключается в том, что фактически антикризисное управление работает в условиях кризиса экономики региона, задействовав свой потенциал на разработку программ

и антикризисных мер, когда экономика характеризуется состоянием системной дисфункции, закрепляющим отсталость региональной экономики.

В отличие от антикризисного, терминальное управление основано на постоянной диагностике состояния экономики региона для выявления приближения терминального состояния, и при нарушении определенной группы индикаторов обостряется актуальность терминального управления. Терминальное состояние – фактически «вход» в терминальное управление. Когда происходит нарушение устойчивого развития экономики региона, включается терминальное управление, которое предполагает отслеживание параметров выполнения управленческих решений, программ регионального развития и т. п., и на каждом шаге их выполнения предполагает диагностику процесса их осуществления и разработку мероприятий по их совершенствованию.

Обращаясь к медицинской терминологии, проводя аналогию с состоянием болезни, терминальное состояние можно сравнить с симптомами заболевания, терминальное управление, в свою очередь, связано с предупреждением возможной болезни, в то время как антикризисное управление борется с признаками и последствиями этой болезни.

Терминальное управление представляет собой управление экономикой региона, которая находится в «поворотной точке» цикла. Суть терминального управления состоит в том, что в первую очередь оно диагностирует симптомы спада, на основании которых вырабатываются управленческие решения, способствующие сглаживанию цикла экономического развития.

Как показывает опыт 2008–2010 гг., стабилизационные программы без институциональных коррекций не могут справиться с проявлениями и тем более с причинами кризиса. Это связано с тем, что при подготовке программ экономического развития регионов, программ стратегического развития территорий необходимо использовать диагностический инструментарий. Исходя из практики разработки таких программ, исходной (базовой) информацией являются результаты анализа.

Слово «диагноз» в переводе с греческого означает «распознавание, определение» и по своему содержанию имеет много общего с термином «анализ». Анализ – выведение экономических закономерностей из соответствующих фактов экономической действительности, исследования протекания экономических процессов в зависимости от порождающих их причин и воздействующих факторов [10]. В то время как диагностика подразумевает и оценку достигнутых экономических показателей на основе изучения отдельных результатов, неполной информации с целью выявления возможных перспектив его развития и последствий текущих управленческих решений. Как итог диагностики на основе оценки состояния хозяйства и его эффективности, делаются выводы, необходимые для принятия быстрых, но важных решений [10].

Таким образом, анализ характеризует достигнутые показатели, а диагностика оценивает параметры, формирующие эти показатели.

Нужно обеспечивать (предусматривать) уже при разработке региональных программ экономического развития диагностическое сопровождение процессов исполнения каждой программы. Практикуется только контроль хода исполнения программы по установленным плановым периодам. Терминальное управление призвано обеспечить не только фиксирование достигнутых результатов, но и диагностику достигнутых параметров программы, выявление причин торможения сроков ее выполнения, разработку и осуществление мероприятий, необходимых для достижения поставленных целей в установленное время. Такого подхода требует реализация принципа необходимого разнообразия, из которого следует, что адекватные ситуации управленческие решения можно принять в случае, если доступна информация о состоянии всего множества параметров управляемой подсистемы (т. е. программы).

Большинство современных программ по экономическому, стратегическому развитию территорий основывается на анализе социально-экономической системы региона. Учеными и экономистами-практиками предлагаются блок-схемы, этапы, порядки анализа состояния социально-экономической системы, основанные на экономико-статистическом анализе. Особого внимания заслуживает блок-схема проведения анализа социально-экономической системы, предложенная А. П. Егоршиным,

В. А. Кожиным [11], затрагивающая систему локальных проблем (функциональных подсистем). Согласно предложенной блок-схеме проведения анализа состояния социально-экономической системы, анализ проводится на основе генплана развития региона и экономико-статистического анализа, т. е. затрагивает стратегические аспекты развития территории. Такой подход очень важен, так как все целевые программы разрабатываются как комплекс стратегических мероприятий. Однако если их рассматривать только в стратегическом аспекте, нет гарантии, что программа будет выполнена.

Эффективность управления кроется в реализации организмической методологии, обеспеченной инструментариями подготовки управленческих решений для стратегической, оперативной и текущей управленческой деятельности. Все эти уровни управления способствуют устойчивому экономическому развитию региона. В связи с этим, для понимания отличий стратегического, текущего и терминального управления в таблице 1 приведена их сравнительная характеристика.

Таблица 1

Характеристика терминального, текущего и стратегического управления (авторская версия)

Характеристики	Терминальное управление	Текущее управление [12]	Стратегическое управление [12]
Цель управления	Обеспечение устойчивого развития экономики региона: предотвращение экономического спада, сокращение числа экономических и управленческих дисфункций	Поддержание функционирования основных систем жизнеобеспечения и удовлетворение потребностей населения	Развитие основных параметров территории, приобретение нового, более высокого качества жизни людей
Объект управленческих воздействий	Субъекты хозяйственной деятельности всех форм собственности различных секторов экономики в «поворотной точке» цикла	Преимущественно предприятия и учреждения публичного сектора экономики	Население, субъекты хозяйственной деятельности всех форм собственности, общественные организации
Ресурсы, используемые для управления	Преимущественно средства бюджетов различных уровней	Преимущественно средства местного бюджета и государственная и муниципальная собственность	Преимущественно средства хозяйствующих субъектов и населения
Формы управления	Преимущественно непосредственное управление	Преимущественно непосредственное управление	Преимущественно опосредованное управление
Методы управления	Диагностирование; мониторинг; структурно-логические, расчетно-аналитические методы; инструментарии диагностики, основанные на актуализации и интеллекта и креативности, и использовании документированной информации	Планирование, нормирование, муниципальный заказ, управление публичными предприятиями и учреждениями, правоприменение, санкции, администрирование	Преимущественно индикативные методы. Координация взаимодействия различных субъектов управления. Создание условий для развития. Осуществление целевых программ

Как видно из таблицы 1, у терминального управления есть тесная увязка по мотивации деятельности как с текущим, так и стратегическим управлением, однако методы и инструментарии серьезно отличаются.

Для более полного представления сущности терминального управления в таблице 2 представлена структура его характеристик. Роль каждой характеристики терминального управления в обеспечении устойчивого развития региона нами определена в соответствии с известной теорией полезности. Как принято, полезность

каждой характеристики принимается за единицу, и в долях единицы выделена значимость элемента каждой характеристики для эффективного терминального управления. Так, например, по характеристике времени наибольшее влияние на состояние экономической системы терминальное управление оказывает на оперативном уровне управления (коэффициент полезности 0,5). Значимое влияние (коэффициент полезности 0,3) проявляется в тактическом управлении. Наименьшее влияние на эффективность экономики оказывает стратегическое управление (0,2).

Таблица 2

**Роль структуры характеристик обеспечения
устойчивого развития региона**

Характеристики	Структура характеристик	Роль характеристики в обеспечении устойчивого развития региона ¹
По времени	Стратегическое	0,2
	Тактическое	0,3
	Оперативное	0,5
Преимущество используемых знаний	Явное	0,3
	Не явное	0,7
Методические ресурсы, используемые в методическом обеспечении терминального управления	Традиционные (рутинные методики, базирующиеся на формализации знаний)	0,2
	Производственный опыт и передовая практика, содержащиеся в компетентности специалистов	0,3
	Интеллект экспертов	0,5
Инструментарии подготовки управленческих решений	Диагностика состояния экономики региона	0,33
	Инструментарии, основанные на актуализации интеллекта и креативности	0,33
	Инструментарии, основанные на использовании документированной информации	0,33

По коэффициентам полезности очевидно, что терминальное управление наиболее значимо (актуально) на оперативном уровне реагирования. В этом проявляется неисчерпаемый потенциал преимущественно неявных знаний, основанных на креативности специалистов системы управления регионом. К основным инструментам подготовки управленческих решений на этом уровне управления относится диагностика состояния экономики региона, основанная на актуализации интеллекта и креативности специалистов и использовании документированной информации. Данные характеристики объясняют главную функцию терминального управления – диагностирование «поворотной точки» цикла экономического развития, что немаловажно при оценке целевых комплексных программ, когда требуется решить вопросы реструктуризации, повысить эффективность использования результатов.

Специфическая особенность терминального управления состоит в том, что его эффективное влияние может быть обеспечено не столько рутинными инструментами, сколько инструментами, основанными на активизации творческого потенциала специалистов и экспертов, их креативности и интеллекта.

Терминальное управление охватывает все многообразие целей, методов, инструментов разработки программ развития экономики региона. Оно замотивировано (настроено) на поиск наиболее эффективных способов достижения цели – предотвращения, торможения экономического спада.

Ссылки / Reference

- [1] Шумпетер Й., Козлова К. Б. Большая советская энциклопедия: в 30 т. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1978. – Т. 29: Чаган – Экс-ле-Бен. – 640 с.
- [2] Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения – М.: Экономика, 2002. – 369 с.

¹ По оценкам экспертов (принимавших участие в диагностике) на основе расчета среднеарифметического значения их мнения.

- [3] Сухарев О. С. Управление экономикой. Введение в теорию кризисов и роста – М.: Финансы и статистика, 2012. – 280 с.
- [4] Сухарев О. С. Теория дисфункции экономических систем и институтов и региональное управление [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://inecon.org/docs/Sukharev_paper_Saratov.pdf
- [5] Брагина З. В., Гибало Н. П., Грабова О. Н., Гуляева М. К., Исаев Н. В., Матвеев С. В., Свиридов Н. Н., Скаржинская Е. Н. Экономическое образование как фактор инновационного развития. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. – 150 с.
- [6] Брагина З. В., Андреева Н. Ю. Управление организационным знанием промышленного предприятия: создание условий для проявления и использования творческой активности и предприимчивости персонала - М.: ИНФРА-М, 2014. – 198 с.
- [7] Экономическое образование как основа фундаментальности организации управления и производства общественных благ / под общ. ред. Н. В. Исаева. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2014. – 188 с.
- [8] Александров Д. В., Костров А. В., Макаров Р. И., Хорошева Е. Р. Методы и модели информационного менеджмента – М.: Финансы и статистика, 2007. – 336 с.
- [9] Бешелев С. Д., Гурвич Ф. Г. Математико-статистические методы экспертных оценок – М.: Статистика, 1980. – 380 с.
- [10] Современный экономический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economic-enc.net/>
- [11] Управление социально-экономической системой: монография / Под ред. А. П. Егоршина, В. А. Кожина. – Н. Новгород: НИМБ, 2009. – 288 с.
- [12] Воронин А.Г. Стратегическое планирование и управление развитием территории (Программа сотрудничества ЕС и России) – М., 2007. – 140 с.

УДК 519.86

Экономические задачи многокритериального выбора: проблемы и методы решения

В. Я. Трофимец, Е. Н. Трофимец
Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова

E-mail: zemifort@inbox.ru

Научная статья

Рассматриваются проблемы и методы решения экономических задач многокритериального выбора. Предложен экономико-математический инструментальный рейтинговый оценки финансово-экономического состояния предприятий на основе метода анализа иерархий. Разработанный инструментальный может быть использован при проведении конкурсов и заключении контрактов в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Ключевые слова: задачи многокритериального выбора, экономический анализ, метод анализа иерархий, рейтинговая оценка финансово-экономического состояния предприятий.

The economic problems of multicriteria choice: problems and solution methods

V. Y. Trofimets, E. N. Trofimets
P. G. Demidov Yaroslavl State University

Scientific article

Discusses the problems and methods of solving economic problems of multicriteria choice. An economic-mathematical tools of the rating assessment of the economic and financial condition of the enterprises on the basis of the method of analysis of hierarchies. The developed instrument can be used in tenders and conclusion of contracts in the sphere of procurement of goods, works, services for state and municipal needs.

Key words: the multicriterion choice problem, economic analysis, analytic hierarchy process, rating of the financial and economic state of enterprises.

В рамках комплексного экономического анализа хозяйственной деятельности приходится, как правило, решать целый ряд взаимосвязанных задач, среди которых особое место занимают задачи, которые после перехода от своей содержательной постановки к формализованной становятся задачами многокритериального выбора (Рисунок 1).

Рисунок 1. Классификация задач многокритериального выбора

В практике экономического анализа достаточно часто приходится сталкиваться с задачами из данного класса, среди которых типовыми являются задачи оценки экономических объектов по многоуровневой системе критериев (1-й тип многокритериальных задач) и задачи планирования распределения недостаточных денежных

средств по объектам финансирования на основе системы приоритетов (2-й тип многокритериальных задач).

Необходимость использовать для оценки экономических объектов нескольких критериев возникает по двум причинам. Во-первых, многие объекты обладают различными характеристиками, не сводимыми друг к другу, и поэтому описываются несколькими критериями. Во-вторых, среди оцениваемых критериев очень часто затруднительно выбрать какой-либо один критерий, обладающий достаточной степенью предпочтительности. В подобной ситуации приходится использовать набор выделенных критериев, в совокупности обладающих требуемой представительностью. Все это приводит к тому, что оценка объектов аналитического планирования по нескольким критериям не может быть непосредственно сведена к решению стандартной задачи математического программирования, поскольку принцип «чем больше (меньше) значение критерия, тем лучше», столь конструктивный при числе критериев $n = 1$, оказывается совершенно недостаточным для определения отношений предпочтительности, когда $n \geq 2$.

Подобные проблемы возникают и при планировании распределения денежных средств в условиях недостаточного финансирования, когда представительным является не один критерий, а набор критериев, каждый из которых характеризует степень удовлетворения в денежных средствах соответствующего объекта финансирования.

При разработке методов решения задач многокритериального выбора приходится решать ряд специфических проблем, основными из которых являются: проблема выбора принципа компромисса и соответствующего ему принципа оптимальности; проблема учета приоритетов критериев; проблема нормализации критериев.

Проблема выбора принципа компромисса и соответствующего ему принципа оптимальности является ключевой, так как связана с определением свойств оптимального решения и решением вопроса – в каком смысле оптимальное решение превосходит все остальные. Число возможных схем компромисса достаточно велико, среди которых наибольшую известность получили принцип равномерности (принцип равенства, принцип максимина, принцип квазиравенства), принцип справедливой уступки (принцип абсолютной уступки и принцип относительной уступки), принцип выделения главного критерия, принцип последовательной уступки [1,2].

Проблема учета приоритетов критериев возникает, если локальные критерии имеют различную значимость, что влечет за собой необходимость оценки степени их влияния на решение задачи (необходимость нахождения весов (приоритетов) критериев) [3].

Проблема нормализации возникает в связи с тем, что локальные критерии имеют, как правило, различные единицы и масштабы измерения, и это делает невозможным их непосредственное сравнение. Операция приведения критериев к единому масштабу и безразмерному виду получила название нормализации. К настоящему времени разработаны различные схемы нормализации критериев [4].

Перечисленные выше проблемы носят не столько формальный, сколько концептуальный характер, что обуславливает необходимость применения различного рода эвристических процедур, в которых существенная роль принадлежит экспертам. А так как экспертные оценки характеризуются субъективизмом, то при выборе метода решения задач многокритериального выбора особое внимание, на наш взгляд, следует уделять теоретической обоснованности метода и формализованному использованию в нем эвристических процедур.

В настоящее время среди методов решения задач многокритериального выбора, имеющих, с одной стороны, признанную теоретическую обоснованность, а с другой стороны, удовлетворяющих требованию универсальности, наибольшее распространение получили методы теории полезности, методы теории нечетких множеств, методы векторной стратификации и метод анализа иерархий.

Теория многомерной полезности, предложенная П. Фишберном [5], позволяет для задач многокритериального выбора получить функцию многомерной полезности, максимальное значение которой соответствует наиболее предпочтительному варианту.

Главным достоинством методов многомерной полезности является возможность оценки любого количества альтернативных вариантов с использованием полученной функции. Однако процедура построения функции полезности требует привлечения значительных объемов информации и является достаточно трудоемкой.

Теория нечетких множеств, предложенная Л. Заде [6], позволяет представить знания о предпочтительности альтернатив по различным критериям с помощью нечетких множеств. Формирование нечетких множеств является более простой и менее трудоемкой процедурой, чем построение функций полезности. Основной проблемой многокритериального выбора с применением нечетких моделей является представление информации о взаимоотношениях между критериями и способы вычисления интегральных оценок. Методы, базирующиеся на разных подходах, дают различные результаты. Каждый подход имеет свои ограничения и особенности, и эксперт-аналитик должен получить о них представление, прежде чем применять тот или иной метод принятия решения.

Методы векторной стратификации основаны на процедурах построения структурированного многокритериального пространства и разбиения его на заданное число упорядоченных слоев (страт) [7]. Объекты, принадлежащие к разным стратам, будут упорядочены по степени их соответствия заданной цели (по значимости, приоритетности). Методы векторной стратификации дают возможность проводить комплексную оценку и выбор лучших из рассматриваемых объектов на основе как количественной, так и качественной исходной информации.

Метод анализа иерархий (МАИ), предложенный Т. Саати [8], является замкнутой логической конструкцией, обеспечивающей с помощью простых правил анализ сложных проблем во всем их разнообразии. Метод основан на парных сравнениях альтернативных вариантов по различным критериям с использованием девятибалльной шкалы и последующим ранжированием набора альтернатив по всем критериям и целям. Взаимоотношения между критериями учитываются путем построения иерархии критериев и применением парных сравнений для выявления важности критериев и подкритериев. Применение МАИ позволяет включить в иерархию все имеющиеся у эксперта-аналитика по рассматриваемой проблеме знания и воображение. Метод прошел широкую апробацию при решении слабоструктурированных задач из различных предметных областей как в зарубежных странах, так и в нашей стране. Метод отличается простотой и дает хорошее соответствие интуитивным представлениям. Кроме того, он может быть быстро реализован на программном уровне в среде табличного процессора MS Excel, что для практического использования имеет немаловажное значение, так как позволяет непрограммирующим пользователям при отсутствии специального программного обеспечения самим создавать небольшие фрагменты автоматизированных систем поддержки принятия экономических решений. Последние свойства метода позволяют рассматривать его в качестве одного из основных методов решения экономических задач многокритериального выбора.

Алгоритмические особенности метода рассмотрены в целом ряде работ [8,9 и др.], поэтому сместим фокус внимания на применении МАИ для решения экономических задач многокритериального выбора. В качестве примера рассмотрим задачу рейтинговой оценки производителей (поставщиков) товаров и услуг для государственных (муниципальных) нужд [4].

Описание задачи

В целях финансового регулирования взаимоотношений между государственными заказчиками и производителями (поставщиками) товаров и услуг для государственных нужд в российской экономике идет становление федеральной контрактной системы заказов, базирующейся на конкурсной основе.

Экономические, правовые, организационно-технические, специальные и другие взаимоотношения государственных заказчиков и исполнителей государственного заказа строятся на основе государственных контрактов. Основными методами заключения

контрактов являются: открытый и закрытый конкурсы, конкурирующие предложения, неконкурсные процедуры, инициативные предложения подрядчиков.

В процессе реализации конкурсного механизма важное значение имеет этап предварительного квалификационного отбора. На этом этапе стоимостной показатель не играет решающей роли, а во внимание принимаются показатели, характеризующие квалификацию поставщиков продукции для федеральных государственных нужд.

В методологическом плане решение данной задачи предполагает выполнение следующих этапов:

1. Формулировка цели задачи.
2. Разработка критериального пространства свойств оцениваемых объектов.
3. Получение на основе суждений экспертов информации об относительной важности выделенных критериев.
4. Разработка (выбор) математического аппарата, реализующего процедуру сравнения объектов и последующего выбора из них наиболее предпочтительного объекта по интегральному критерию.
5. Проведение расчетов и интерпретация полученных результатов.

С формальной точки зрения цель сравнительной оценки квалификации поставщиков может быть сформулирована как выбор поставщика, обеспечивающего наибольшую вероятность надлежащего исполнения государственного контракта.

Одним из составных элементов оценки квалификации поставщиков является оценка их финансово-экономического состояния. Результатом такой оценки являются интегральные рейтинговые показатели, на основе которых строится ранжировка предприятий и принимается решение о дальнейшем участии в конкурсе.

Говоря об интегральной рейтинговой оценке предприятия, следует заметить, что в современной трактовке она имеет двоякий характер. С одной стороны, под интегральной рейтинговой оценкой понимается детальный анализ всех сторон финансово-хозяйственной деятельности предприятия с последующим написанием экспертного заключения на нескольких десятках страниц с подробным изложением результатов проведенного анализа. Такой подход в большей степени соответствует аудиторскому заключению о финансово-хозяйственной деятельности предприятия. При таком подходе затруднительно объединить результаты анализа в единую интегральную оценку, а следовательно, составить рейтинг предприятия.

Второй подход к трактовке интегральной рейтинговой оценки не предполагает углубленного изучения различных сторон финансово-хозяйственной деятельности предприятия, а его главной целью является получение интегральной рейтинговой оценки в числовом виде для последующей ранжировки сравниваемых предприятий. Такой подход соответствует классическому определению рейтинга как числовому показателю, отображающему важность определенного объекта. Именно этот подход и был положен в основу предлагаемого инструментария рейтинговой оценки финансово-экономического состояния предприятий на основе метода анализа иерархий.

Методика решения задачи

Наряду с выбором адекватного метода получения интегральной рейтинговой оценки крайне важным является вопрос выбора системы показателей, на основе которой она и будет формироваться. Процесс построения системы показателей, безусловно, обладает определенной долей субъективизма. Так, например, в методиках В. В. Ковалева [10], К. В. Щиборца [11], А. И. Гинзбурга [12], А. В. Постюшкова [13] и ООО «ИНЭК» [14] используются собственные системы показателей, различающиеся как составом используемых показателей, так и проставленными им весами или балльными оценками. Тем не менее в подавляющем большинстве методик оцениваются схожие стороны финансово-хозяйственной деятельности предприятий. Поэтому можно выделить ряд показателей, присутствующих практически в каждой методике и являющихся значимыми для построения рейтинговой оценки.

На основе анализа системы показателей упомянутых выше методик, а также других систем показателей, представленных довольно широко в финансово-экономической литературе, предлагается иерархическая система показателей интегральной рейтинговой оценки предприятий, представленная на рисунке 2.

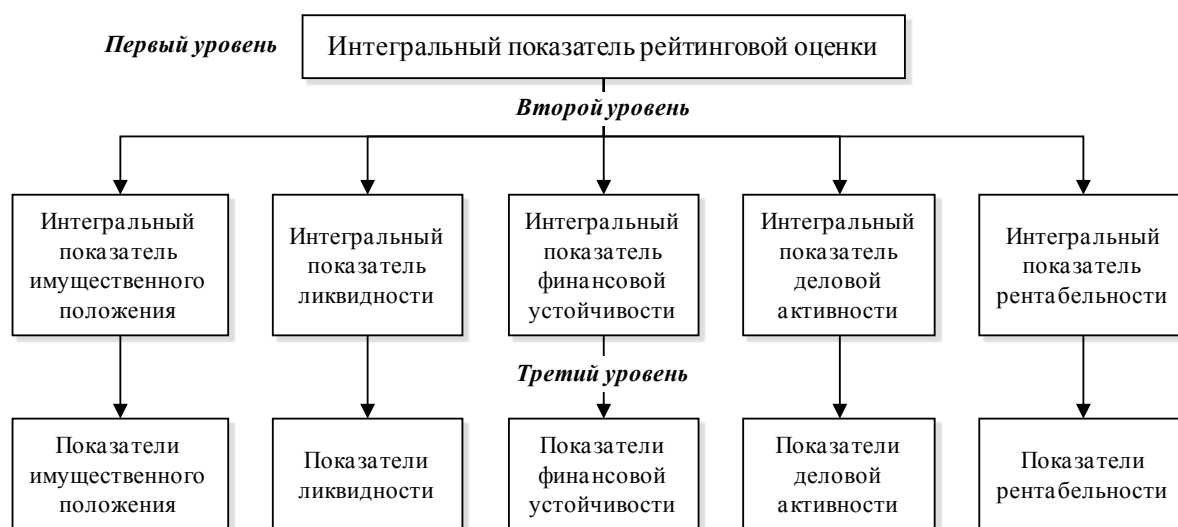

Рисунок 2. Иерархическая система показателей интегральной рейтинговой оценки предприятий

Предложенная система показателей имеет три уровня иерархии. На первом и втором уровнях расположены показатели, имеющие интегральный характер. На первом уровне располагается интегральный показатель рейтинговой оценки, на втором уровне – интегральные показатели имущественного положения, ликвидности, финансовой устойчивости, деловой активности и рентабельности. На третьем уровне иерархии располагаются пять групп показателей, значения которых рассчитываются на основе данных финансовой отчетности:

1) *группа показателей имущественного положения:*

- доля активной части основных средств;
- коэффициент износа основных средств;
- коэффициент обновления;
- коэффициент выбытия;

2) *группа показателей ликвидности:*

- величина собственных оборотных средств (функционирующий капитал);
- маневренность собственных оборотных средств;
- коэффициент покрытия общий;
- коэффициент быстрой ликвидности;
- коэффициент абсолютной ликвидности (платежеспособности);
- доля оборотных средств в активах;
- доля запасов в оборотных активах;
- доля собственных оборотных средств в покрытии запасов;
- коэффициент покрытия запасов;

3) *группа показателей финансовой устойчивости:*

- коэффициент концентрации собственного капитала;
- коэффициент финансовой зависимости;
- коэффициент маневренности собственного капитала;
- коэффициент концентрации заемного капитала;
- коэффициент структуры долгосрочных вложений;
- коэффициент долгосрочного привлечения заемных средств;

- коэффициент структуры заемного капитала;
- коэффициент соотношения заемных и собственных средств;

4) *группа показателей деловой активности:*

- производительность труда;
- фондоотдача;
- оборачиваемость средств в расчетах;
- оборачиваемость средств в расчетах;
- оборачиваемость производственных запасов;
- оборачиваемость производственных запасов;
- оборачиваемость кредиторской задолженности;
- продолжительность операционного цикла;
- продолжительность финансового цикла;
- коэффициент погашаемости дебиторской задолженности;
- оборачиваемость собственного капитала;
- оборачиваемость основного капитала;
- коэффициент устойчивости экономического роста;

5) *группа показателей рентабельности:*

- рентабельность продукции;
- рентабельность основной деятельности;
- рентабельность основного капитала;
- рентабельность собственного капитала;
- период окупаемости собственного капитала.

Следует отметить, что предложенная система показателей, во-первых, достаточно полно отражает различные стороны финансово-хозяйственной деятельности предприятий, и, во-вторых, может быть эффективно обработана методом анализа иерархий.

Второй крайне важной стороной рассматриваемого вопроса является адекватная расстановка весов показателей. Веса показателей могут быть получены путем нахождения векторов приоритетов, являющихся результатом обработки матриц парных сравнений. Для построения матриц парных сравнений необходимо привлечение экспертов-аналитиков. Это, с одной стороны, вносит в предлагаемую методику определенную долю субъективизма, с другой стороны, придает методике адаптивный характер и возможность подстройки весов под специфику сравниваемых предприятий.

Третьей важной стороной рассматриваемого вопроса является обработка значений показателей третьего уровня иерархии с целью получения начальных векторов приоритетов, с которых начинается иерархический синтез интегральной рейтинговой оценки. Как уже отмечалось, на третьем уровне иерархии располагаются показатели, значения которых рассчитываются на основе финансовой отчетности, то есть значения этих показателей имеют числовую форму представления. В этом случае возникает необходимость перевода абсолютных значений показателей в относительные значения, которые можно будет использовать в процедуре иерархического синтеза интегральной рейтинговой оценки.

Получение относительных значений (вектора приоритетов) может быть осуществлено на основе типовой процедуры попарного сравнения предприятий по сравниваемым показателям. Вместе с тем числовой характер рассматриваемых показателей позволяет использовать другие, более объективные, методы получения векторов приоритетов без привлечения экспертов, подробно рассмотренные в работе [3].

Таким образом, основу разработанного инструментария составляют предложенная иерархическая система показателей рейтинговой оценки предприятий, метод анализа иерархий, а также комплекс разработанных вычислительных процедур построения начальных векторов приоритетов предприятий.

Алгоритм применения разработанного инструментария представлен на рисунке 3.

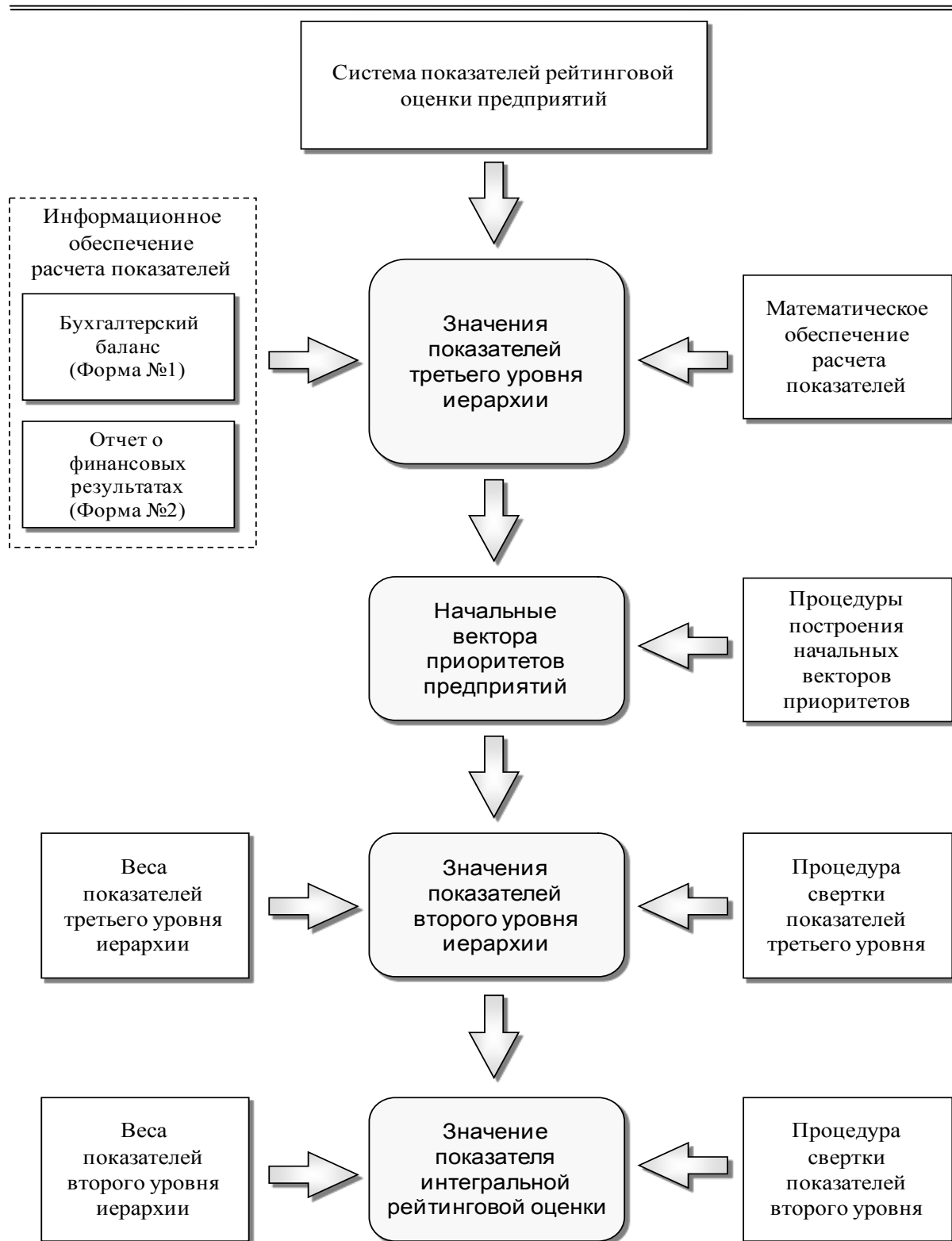

Рисунок 3. Алгоритм применения методического инструментария рейтинговой оценки финансово-экономического состояния предприятий на основе анализа иерархий

Результаты и их обсуждение

Апробация предлагаемого инструментария рейтинговой оценки предприятий на основе метода анализа иерархий была проведена по реальным данным шести предприятий (условные наименования «Рубин», «Сигма», «Орион», «Дельта», «Альфа» и «Фотон»).

На первом этапе были рассчитаны значения показателей, которые расположены на третьем уровне иерархии в иерархической системе показателей интегральной рейтинговой оценки предприятий (рисунок 2). В качестве информационного обеспечения расчета данных показателей выступают данные финансовой отчетности.

На втором этапе были рассчитаны начальные векторы приоритетов предприятий с использованием рассмотренных ранее вычислительных процедур. В качестве информационного обеспечения расчета выступали значения показателей третьего уровня иерархии.

На третьем этапе были рассчитаны значения показателей второго уровня иерархии с использованием процедур свертки показателей третьего уровня. Полученные значения показателей второго уровня иерархии представлены в табл. 1.

Таблица 1

Значения показателей второго уровня иерархии

Показатель	Предприятие						Сумма
	Рубин	Сигма	Орион	Дельта	Альфа	Фотон	
Интегральный показатель имущественного положения	0,108	0,102	0,219	0,128	0,163	0,280	1,000
Интегральный показатель ликвидности	0,083	0,107	0,125	0,443	0,041	0,201	1,000
Интегральный показатель финансовой устойчивости	0,076	0,091	0,281	0,097	0,106	0,350	1,000
Интегральный показатель деловой активности	0,205	0,077	0,266	0,114	0,135	0,203	1,000
Интегральный показатель рентабельности	0,117	0,159	0,342	0,140	0,043	0,199	1,000

На четвертом заключительном этапе по каждому предприятию были рассчитаны значения интегрального показателя рейтинговой оценки с использованием процедур свертки показателей второго уровня. В качестве информационного обеспечения расчета выступали значения показателей второго уровня иерархии, приведенные в таблице 1. Рассчитанные значения интегрального показателя рейтинговой оценки предприятий приведены в таблице 2.

Таблица 2

Значения интегрального показателя рейтинговой оценки предприятий

Предприятие	Значение
Рубин	0,10
Сигма	0,11
Орион	0,25
Дельта	0,18
Альфа	0,09
Фотон	0,26

Итоговая ранжировка предприятий приведена в таблице 3.

Итоговая ранжировка предприятий на основе метода анализа иерархий

Предприятие	Ранг	Место
Фотон	1-й	1-е
Орион	2-й	2-е
Дельта	3-й	3-е
Сигма	4-й	4-е
Рубин	5-й	5-е
Альфа	6-й	6-е

В разработанном инструментарии подавляющая часть процедур формализована и строго обоснована, что позволяет в значительной степени снизить долю субъективизма, присущего, как уже отмечалось, всем методикам с элементами экспертных оценок. При этом заметим, что в данном случае неопределенность присутствует только при задании весов показателям второго уровня иерархии, для которых предложены их ориентировочные значения. В случае несогласия экспертов-аналитиков с предложенными весами, последние могут быть изменены путем проведения коллективной экспертизы с открытым обсуждением, в результате которой формируются коллективно выработанные суждения о степенях предпочтения i -х показателей относительно j -х показателей по шкале метода анализа иерархий. Выработанные коллективные суждения обрабатываются по типовой схеме метода анализа иерархий, что эквивалентно обработке суждений одного эксперта.

В случае если эксперты выносят суждения о предпочтениях независимо друг от друга, то агрегирование суждений может осуществляться различными способами в зависимости от того, на каком этапе осуществляется агрегирование. При агрегировании экспертных суждений до начала их обработки с помощью разработанного инструментария логичным является использование формулы среднего геометрического:

$$a_{ij}^A = \sqrt[n]{a_{ij}^1 \times a_{ij}^2 \times \dots \times a_{ij}^n}.$$

Логичность данной формулы становится очевидной, если два равноценных эксперта-аналитика указывают при сравнении показателей соответственно оценки a_{ij} и $\frac{1}{a_{ij}}$, что при вычислении агрегированной оценки дает единицу и свидетельствует об эквивалентности сравниваемых показателей. Агрегированные суждения a_{ij}^A обрабатываются по типовой схеме метода.

Рассмотренные подходы являются достаточно эффективными и предполагают привлечение экспертов-аналитиков только на этапе получения агрегированных оценок a_{ij}^A , и необходимость в этом возникает только в том случае, если предложенные ориентировочные веса показателей второго и третьего уровней иерархии не соответствуют представлениям экспертов-аналитиков о значениях данных весов.

В дальнейшем, после получения обоснованных устойчивых оценок a_{ij}^A , а следовательно, и весов показателей второго и третьего уровней иерархии, необходимость в экспертах-аналитиках полностью отпадает, что значительно упрощает процедуру получения рейтинговых оценок и существенно снижает долю субъективизма, присущего подобным методам.

Вместе с тем, несмотря на все достоинства разработанного экономико-математического инструментария рейтинговой оценки финансово-экономического состояния предприятий, следует заметить, что он предполагает использование агрегированных экспертных оценок a_{ij}^A , полученных на этапе предварительного обсуждения. Наряду с данной ситуацией, в практической деятельности также нередко встречаются ситуации, когда по условиям проведения конкурса агрегирование экспертных суждений должно проводиться на заключительном этапе. В этом случае применительно к рассматриваемой задаче возникает необходимость формирования коллективной рейтинговой оценки предприятий путем объединения нескольких ранжировок, полученных индивидуально каждым из экспертов-аналитиков на основе разработанного инструментария. Поставленная задача по своей сути идентична задаче, рассмотренной в работе [15], за исключением лишь того, что профили предпочтений (ранжировки) строятся не на основе применения различных методик, а на основе различных экспертных суждений.

Эффективное внедрение разработанного экономико-математического инструментария в механизм конкурсного квалификационного отбора поставщиков продукции для федеральных государственных нужд возможно только в том случае, если он будет реализован на программном уровне. Поэтому крайне важным вопросом для практической деятельности экспертов-аналитиков является разработка автоматизированной системы рейтинговой оценки финансово-экономического состояния предприятий. По нашему мнению, такая система должна включать в себя три основные функциональные подсистемы: подсистему импорта исходных данных, подсистему расчета показателей финансово-экономического состояния предприятий и подсистему формирования рейтинговых оценок предприятий. Можно ожидать, что внедрение автоматизированной системы позволит не только существенно снизить трудоемкость процедур рейтинговой оценки, но и позволит повысить качество решений, принимаемых в рамках механизма конкурсного квалификационного отбора.

Ссылки / Reference

- [1] Теория прогнозирования и принятия решений // Под ред. С. А. Саркисяна. – М.: Высшая школа, 1977. – 351 с.
- [2] Трофимец В. Я. О некоторых процедурах решения военно-экономических задач распределения финансовых средств и их автоматизация в офисных приложениях // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2004. Т. 9. № 1. – С. 23–31.
- [3] Подиновский В. В. Введение в теорию важности критериев в многокритериальных задачах принятия решений. – М.: Физматлит, 2007. – 64 с.
- [4] Батьковский А. М., Трофимец В. Я., Трофимец Е. Н. Рейтинговая оценка финансово-экономического состояния предприятий на основе метода анализа иерархий // Вопросы радиоэлектроники. 2014. Т. 2. № 2. – С. 182–189.
- [5] Фишберн П. Теория полезности для принятия решений. М.: Наука, 1977. 352 с.
- [6] Заде Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. – М.: Мир, 1976. – 161 с.
- [7] Глотов В. А., Павельев В. В. Векторная стратификация. – М.: Наука, 1984. – 95 с.
- [8] Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий. – М.: Радио и связь, 1989. – 316 с.
- [9] Трофимец В. Я. Модифицированная вычислительная процедура решения задач многокритериального выбора на основе метода анализа иерархий // Вестник

- Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2004. Т. 9. № 6. – С. 23–27.
- [10] Ковалев В. В., Волкова О. Н. Анализ хозяйственной деятельности предприятия: учебник. – М.: ТК Велби, 2002. – 424 с.
- [11] Щиборщ К. В. Сравнительный анализ конкурентоспособности и финансового состояния предприятий отрасли и/или региона // Маркетинг в России и за рубежом. 2000. № 5. – С. 92–111.
- [12] Гинзбург А. И. Экономический анализ. – СПб.: Питер, 2004. – 176 с.
- [13] Постюшков А. В. Рейтинг конкурентоспособности // Риск. 2001. № 4. – С. 64–71.
- [14] Котляр Э. В. Комплексная оценка финансово-экономического состояния предприятий // Рынок ценных бумаг. 1999. № 16. – С. 39–41.
- [15] Батьковский А. М., Трофимец В. Я., Трофимец Е. Н. Развитие методического аппарата рейтинговой оценки финансово-экономического состояния предприятий оборонно-промышленного комплекса // Финансы и кредит. 2014. №48. – С. 34–43.

Оценка влияния структурных факторов на степень интернационализации валют

Assessment of influence of structural factors on extent of internationalization of currencies

Д. С. Лебедев

Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова

D. S. Lebedev

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: casr@inbox.ru

Научная статья

Scientific article

В современных условиях, помимо конъюнктурных факторов, воздействие структурных является залогом сбалансированного развития реального и финансового секторов национальной экономики, а значит и валютной системы. Стабильность последней поддерживается в том числе за счет спроса на мировом рынке на национальную валюту, показателем чего является степень её интернационализации. Применение корреляционно-регрессионного анализа позволило выявить основные структурные факторы, которые влияют на степень интернационализации ряда валют мира: доля ВВП страны в мировом ВВП, доля экспорта прямых инвестиций в мировом экспорте инвестиций, доля товарного экспорта в международном торговом обороте. На основе этого в статье сделан вывод о необходимости проведения российскими монетарными и экономическими властями проведения политики структурной трансформации реального сектора экономики с целью избежания в будущем валютного коллапса рубля, подобного тому, что происходил осенью-зимой 2014 г.

In modern conditions in addition to the conjunctural effects of structural factors is the key to a balanced development of the real and financial sectors of the national economy, including the currency system. Stability latest supported including due to the demand on the global market for the national currency, which is the degree of its internationalization. The use of correlation and regression analysis allowed to identify the main structural factors that affect the degree of internationalization of a number of currencies in the world: the share of the country's GDP in world GDP, export share of direct investments in global exports of investment, the share of merchandise exports in international trade. On this basis, the article concludes on the need for the Russian monetary and economic authorities with the policy of structural transformation of the real sector of the economy to avoid a future currency collapse of the ruble, similar to what happened autumn-winter 2014.

Ключевые слова: валютная система; валюта; интернационализация; экспорт; импорт; ВВП.

Keywords: currency system; currency; internationalization; export; import; GDP.

Тесная взаимосвязь между реальным и финансовым секторами экономики уже давно известна, изучена, и никем не оспаривается их взаимовлияние друг на друга. Одним из крупнейших финансовых рынков является валютный рынок. Поражают темпы его роста. Так, оборот валютного рынка за последние 15 лет вырос в 4,05 раза, в то время как мировой ВВП в 2,32 раза.

С одной стороны, валютные отношения и валютная система являются вторичными по отношению к сфере материального производства, т. е. к первичным производственным отношениям, а также к сфере распределения, обмена, потребления, особенно во внешнем секторе национальной экономики, значение которого для ряда стран (в том числе и для России) является весомым.

В теории роль внешнеторговых связей в национальной экономике характеризуют показатели их влияния на один из ключевых макроэкономических агрегатов – валовый внутренний продукт (ВВП). Среди них можно выделить следующие (Таблица 1).

Таблица 1

Показатели оценки влияния внешнеторговых связей на ВВП страны [1]

Название показателя	Расчет показателя	Интерпретация показателя
Коэффициент соотношения объемов внешней торговли и ВВП	$K_{FTj} = \frac{FT_j}{GDP_j}, \text{ где}$ $K_{FTj} - \text{коэффициент соотношения объема внешней торговли и ВВП } j\text{-ой страны};$ $FT_j - \text{объем внешнеторгового оборота } j\text{-ой страны};$ $GDP_j - \text{объем ВВП } j\text{-ой страны}.$	Оценка роли внешней торговли в ВВП страны
Экспортная квота страны	$K_{ej} = \frac{e_j}{GDP_j}, \text{ где}$ $e_j - \text{объем экспорта } j\text{-ой страны}.$	Оценка роли экспорта в ВВП страны
Импортная квота страны	$K_{ij} = \frac{i_j}{GDP_j}, \text{ где}$ $i_j - \text{объем импорта } j\text{-ой страны}.$	Оценка роли импорта в ВВП страны
Коэффициент эластичности внешнеторгового оборота	$K_{\varepsilon_{FTj}} = \frac{T_{pFTj}}{T_{pGDPj}}, \text{ где}$ $K_{\varepsilon_{FTj}} - \text{коэффициент эластичности внешнеторгового оборота } j\text{-ой страны};$ $T_{pFTj} - \text{темп роста (прироста) внешнеторгового оборота } j\text{-ой страны за анализируемый период};$ $T_{pGDPj} - \text{темп роста (прироста) валового внутреннего продукта } j\text{-ой страны за анализируемый период}.$	Коэффициент характеризует степень зависимости внешнеторгового оборота и ВВП страны.

Методика расчета представленных показателей свидетельствует о том, что чем больше их значение, тем более высоко мы можем оценить вклад внешнеторгового сектора в ВВП страны. Динамика приведенных в таблице 1 показателей для РФ представлена в таблице 2.

Таблица 2

Динамика показателей роли внешнеторговых связей России в ВВП за 2006–2013 гг. [2]

Показатели	Годы								Среднее значение
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	
Коэффициент соотношения объема внешней торговли РФ и ВВП	0,547	0,517	0,534	0,484	0,504	0,520	0,519	0,509	0,517

Показатели	Годы								Среднее значение
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	
Экспортная квота	0,337	0,302	0,313	0,279	0,292	0,303	0,296	0,284	0,301
Импортная квота	0,210	0,215	0,221	0,205	0,211	0,217	0,223	0,225	0,216
Коэффициент эластичности внешнеторгового оборота	0,9651	0,9447	1,0324	0,9073	1,0397	1,0327	0,9971	0,9808	0,9875

В результате мы можем сделать вывод, что экономика нашей страны в значительной степени зависит от торгового взаимодействия с внешним миром. Среднее значение коэффициента соотношения внешнеторгового оборота и ВВП за 2006–2013 гг. составило 0,517, причем экспорт является ключевой сферой при формировании ВВП. Анализ данного показателя за исследуемый период показал, что экспортные поставки из России составляют примерно 30% от ВВП России. Импорт имеет меньшее влияние на российскую экономику. Значение данного показателя в среднем за тот же период составило 22% от объема ВВП и незначительно колебалось. Наконец, изменение коэффициента эластичности внешнеторгового оборота подтверждает наличие тесной его связи с ВВП, что является еще одним свидетельством зависимости национальной экономики России от внешнего сектора.

Хотя валютные отношения и валютная система являются вторичными по отношению к реальной экономике, они обладают относительной самостоятельностью и оказывают на неё обратное влияние. Неустойчивость валютной системы государства, валютные кризисы оказывают отрицательное влияние на все макроэкономические процессы. Описанный кругооборот взаимовлияния реальной экономики и валютной системы страны был наглядно проиллюстрирован в ходе осенне-зимней девальвации российского рубля в 2014 году. В результате снижения цен на нефть и нефтепродукты в мире (основной статьи российского экспорта) валютный курс рубля упал к основным ведущим валютам мира (Таблица 3).

Таблица 3

Динамика валютного курса российского рубля по отношению к некоторым ведущим валютам мира в 2014 г., устанавливаемого ЦБ РФ [3]

Валюты	Курс российского рубля		Абсолютное изменение (руб.)	Относительное изменение (%)
	На 01.01.2014	На 31.12.2014		
Доллар США	32,6587	56,2584	- 23,5997	- 72,26
Евро	45,0559	68,3427	- 23,2868	- 51,68
Фунт стерлингов Соединенного королевства	53,8542	87,4199	- 33,5657	- 62,33

Следствием такой негативной динамики национальной валюты стало проявление «застарелых» и «замороженных» проблем в российской экономике: продовольственной и прочей инфляции в виду большой зависимости от импорта, снижения платежеспособного спроса, снижения производственной и торговой активности, снижения ВВП, роста безработицы, что чревато полной стагнацией. В результате кризис 2014 года стал для отечественного хозяйства намного более тяжелым и ощутимым, чем мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг.

Подобная «взаимоуязвимость» реального и финансового секторов российской экономической системы происходит в том числе и из-за недиверсифицированности как

их внешних, так и внутренних составляющих, а также организационно-институциональной монополизации рынка. Валютного коллапса можно было бы избежать, если бы курс рубля поддерживался не столько конъюнктурными (цены на нефть), сколько структурными факторами (экономический рост, низкий темп инфляции, сбалансированность платежного баланса и т. д.). Именно последние обуславливают независимый от конъюнктуры спрос на валюту на мировом валютном рынке, повышают степень доверия к ней и степень ее интернационализации (доли использования в обслуживании международных торговых и неторговых сделок). Выделено три группы факторов, которые лежат в основе данной характеристики валюты:

1) экономические факторы: доля ВВП страны в мировом ВВП, доля экспорта страны в мировом экспорте, доля импорта ПИИ в мировом импорте ПИИ, доля экспорта ПИИ в мировом экспорте ПИИ, доля страны в мировых валютных резервах;

2) финансовые факторы: доля страны в мировом валютном обороте, доля капитализации рынка акций – резидентов страны в капитализации мирового рынка акций, доля резидентов страны в выпуске международных долговых ценных бумаг, глубина финансового рынка (об этом понятии позже), доступность финансового рынка;

3) собственно валютные факторы: темп инфляции внутри страны, волатильность обменного курса валюты, степень конвертируемости валюты, доля валюты в мировых валютных резервах, доля валюты в обороте на мировом валютном рынке, доля валюты в выпуске международных долговых обязательств [4].

Однако, по нашему мнению, данный перечень факторов является слишком общим и не учитывает степень их значимости, а также специфику отдельных стран. Чтобы решить данную проблему, нами была проведена оценка влияния некоторых из этих факторов (нас интересовали в первую очередь структурные факторы из первой и третьей групп) на степень интернационализации валюты. Проведенный анализ на основе моделей множественной регрессии дал следующие результаты (Таблица 4).

Таблица 4

**Динамика степени интернационализации валют и оценка факторов,
на неё влияющих, за 1998 – 2013 гг. [5]¹**

Валюта	Степень интернационализации валюты, %						Основные факторы, определившие степень интернационализации
	1998	2001	2004	2007	2010	2013	
Доллар США	86,8	89,9	88,0	85,6	84,9	87,0	доля ВВП страны в мировом ВВП, доля экспорта страны в мировом экспорте
Японская йена	21,7	23,5	20,8	17,2	19,0	23,0	доля валюты в мировых валютных резервах, доля ВВП страны в мировом ВВП
Фунт стерлингов Соединенного королевства	11,0	13,00	16,5	14,9	12,9	11,8	доля экспорта ПИИ в мировом экспорте ПИИ, доля валюты в мировых валютных резервах
Швейцарский франк	7,1	6,0	6,0	6,8	6,3	5,2	доля ВВП страны в мировом ВВП
Китайский юань	0,0	0,0	0,1	0,5	0,9	2,0	доля страны в мировом валютном обороте

¹ Примечание: так как каждая валюта участвует в сделках дважды (как объект купли – с одной стороны, и как объект продажи – с другой, то совокупность участия всех валют составляет 200%.

Валюта	Степень интернационализации валюты, %						Основные факторы, определившие степень интернационализации
	1998	2001	2004	2007	2010	2013	
Российский рубль	0,3	0,3	0,6	0,7	0,9	1,6	-
Бразильский реал	0,2	0,5	0,3	0,4	0,7	1,1	темп инфляции внутри страны, доля экспорта ПИИ в мировом экспорте ПИИ
Индийская рупия	0,1	0,2	0,3	0,7	1,0	1,0	доля ВВП страны в мировом ВВП

Таким образом, если учесть долю каждой из изученных валют в международных операциях, можно сделать вывод, что в настоящее время основными структурными факторами, влияющими на степень их интернационализации, являются (по степени убывания значимости):

- 1) доля ВВП страны в мировом ВВП;
- 2) доля экспорта ПИИ в мировом экспорте ПИИ;
- 3) доля экспорта страны в мировом экспорте¹.

Поэтому, российским монетарным (Минфин и ЦБ РФ) и экономическим (Минэкономразвития и Минпромторг РФ) властям следует проводить политику, направленную на увеличение доли ВВП и экспорта в общемировых показателях (долю экспорта ПИИ в мировом экспорте ПИИ не следует использовать, учитывая отток капитала из страны). Это позволит диверсифицировать влияние факторов, определяющих курс национальной валюты, и в будущем избегать подобных прошедшей девальвации негативных процессов.

Ссылки / Reference

- [1] Сельцовский В. Л. Экономико-статистические методы анализа внешней торговли: монография / В. Л. Сельцовский. – М.: Финансы и статистика, 2004. – С. 168–217.
- [2] Лебедев Д. С. Институциональная трансформация социально-экономических систем: теория, методология анализа, практика применения во внешней торговле России: Монография / Д. С. Лебедев. – Ярославль: КопиЦентр. – 2014. – 244 с.
- [3] Составлено по: Официальные курсы валют на заданную дату, устанавливаемые ежедневно // Официальный сайт Банка России. URL: http://www.cbr.ru/currency_base/daily.aspx (дата обращения 27.03.2015).
- [4] Стрелков И.В. Методы анализа интернационализации валюты // Российский внешнеэкономический вестник. 2012. № 9. С. 74–87.
- [5] Составлено по: Triennial Central Bank Survey of foreign exchange and derivatives market activity in 2013 // Официальный сайт Банка международных расчетов. URL: <http://www.bis.org/publ/rpfx13.htm&m=6%7C35> (дата обращения 09.02.2015); IMF Data Mapper // Официальный сайт Международного валютного фонда. URL: <http://www.imf.org/external/datamapper/index.php> (дата обращения 27.03.2015).

¹ Для справки: доля российского ВВП в мировом составляет всего 2% (для сравнения, у США – 23%), а аналогичный показатель по экспорту составляет 4% (у США – 10%). Что касается влияния последнего фактора, то мы можем констатировать диссонанс в оценке роли внешней торговли для национальной и мировой экономики: для последней её значение куда меньше, чем для первой.

УДК 316.35.023.6

Геронтогруппа: критерии выделения и характеристики в условиях современного российского общества

И. Ф. Албегова

*Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова*

E-mail: alba50@yandex.ru

Научная статья

Исследуются генезис и динамика геронтогруппы. Определяются критерии ее выделения и внутренней дифференциации. Описываются биологические, социально-психологические и социально-демографические характеристики. Предлагается видовое различие старости.

Ключевые слова: структура, критерии, группа, дифференциация, геронтогруппа, характеристики.

Gerontology group: the selection criteria and characteristics in conditions of modern Russian society

I. F. Albegova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Scientific article

The genesis and dynamics gerontogroup are under consideration . Defined criteria for its allocation and internal differentiation. Described the biological, socio-psychological and socio-demographic characteristics. Offered specific difference age.

Keywords: structure, criteria, group, differentiation, gerontology group, characteristics.

Социальная структура современного российского общества отличается процессами все углубляющейся дифференциации, появлением новых и внутренним изменением традиционных групп [1].

Основными критериями выделения социальных групп всегда были пол; возраст; состояние здоровья; характер, содержание и условия труда; уровни материальной обеспеченности и социально-политической активности, отношение к власти и т. д. Эти критерии позволяют обозначить и исследовать такие группы российского населения, как дети, взрослые и пожилые люди, инвалиды, учащиеся и т. д.

Анализ возникновения и изучение динамики развития каждой из названных групп дают возможность научно обосновать стратегию разработки и тактику реализации социальной политики, определить перспективы развития социальной структуры российского общества, создать адекватную его внутренней структуре систему управления.

В связи с этим целью данной работы является исследование геронтогруппы, критериев ее выделения и описание характеристик в условиях российского общества.

Увеличение количества пожилых людей, их доли и процента в структуре населения, постоянная внутренняя дифференциация являются общемировыми тенденциями, особенно ярко проявляющимися в последнее десятилетие в Российской Федерации: за этот период численность населения старше трудоспособного возраста выросла на 3 миллиона человек.

Только в 2013 году она поднялась с 32,4 миллиона до 33,1 миллиона человек [2].

В настоящее время понятие «геронтогруппа» и определение лиц пожилого возраста до конца не сформулированы, существуют различные подходы к возрастной периодизации пожилых людей, мало внимания уделяется критериям их выделения и описанию современных характеристик.

В современной научной литературе и нормативно-правовых документах используются различные термины и словосочетания: «пожилой», «начинающий стареть», «старый», «пожилые люди», «престарелые», «люди старших возрастов», «лица старше трудоспособного возраста», «лица пенсионного возраста», «люди преклонного возраста», «люди третьего возраста», «люди четвертого возраста», «люди серебряного возраста», «стареющие люди», «люди старческого возраста», «долгожители».

В основе генезиса геронтогруппы лежат объективные процессы старения населения, связанные с увеличением продолжительности жизни людей, достижениями здравоохранения, неуклонным продолжением их трудовой деятельности и даже продлением возрастных периодов отцовства и материнства как следствий развития теории и практики всех направлений медицины, фармации, широкого распространения и освоения представителями указанной группы современных био-, психо- и социальных технологий.

Использование в данном исследовании понятия «геронтогруппа», по мнению авторов, приемлемо, корректно и вполне оправдано с точки зрения рассмотрения современной социально-демографической структуры российского общества. Оно позволяет раскрыть основные социально-психологические характеристики пожилых людей, выявить специфику и динамику их внутренней дифференциации, определить статусно-ролевые позиции и функции, особенности и факторы социальной адаптации.

Геронтогруппа в современном российском обществе – это сложная и глубоко дифференцированная группа по возрасту, полу, месту жительства, уровню доходов, степени трудоспособности, состоянию физического, психического и социального здоровья, всех видов социальной адаптации и активности в целом.

Геронтогруппа в российском обществе традиционно состоит из людей старше 55–60 лет, которых на начало 2007 года было 29,7 млн. человек и составило 20,81% российского населения, в 2010 – 31,7 млн. (22,1%), а в 2013 их число составляло 33,1 млн. человек (23,09%) [3]. Можно сказать, что почти каждый пятый (четвертый) российский гражданин входит в эту группу.

Тенденция старения населения характерна и для отдельных регионов Российской Федерации. Например, если в 2005 году в Ярославской области доля населения в возрасте старше трудоспособного составила 24%, то есть практически каждый пятый житель относился к названной группе [4, с. 30], то в 2013 году она увеличилась до 28,8% [5, с. 15]. Более того, в настоящее время каждый десятый из геронтогруппы является лицом с ограниченными возможностями.

Демографическое старение населения как объективный процесс предъявляет российскому государству и обществу весьма высокие требования к решению проблем геронтогруппы. Они прежде всего вынуждены активизировать поддержку, защиту и социальное обеспечение пожилых и старых людей. С учетом специфики исторического и социально-экономического развития отдельных регионов и областей важно разработать и реализовать геронтополитику и геронтообразование, создать комфортные условия жизнедеятельности с социальным признанием пожилых людей как полноправной группы, имеющей свои определенные роль и статус. В противном случае пожилым людям придется еще долго и самостоятельно разрабатывать методы и способы социальной адаптации к условиям жизнедеятельности в современном российском обществе.

Выделение геронтогруппы включает в себя не только биологические, социально-психологические и социально-демографические характеристики. Необходимым является определение признаков объединения людей в геронтогруппу. Можно сказать, что границы пожилого возраста подвижны: они зависят от социально-экономического развития общества, достигнутого уровня благосостояния и культуры народа, условий жизни людей, их менталитета и традиций. Развитие человечества и увеличение общей продолжительности жизни вносит свои коррективы в возрастные границы геронтогруппы, однако точное их установление остается проблематичным в связи с несогласованностью сроков биологического, социального и психического развития человека. При этом необходимо учитывать то, что каждая возрастная группа имеет свои внутренние характеристики, стереотипы, свойства и возможности. Понятие «возрастная

группа» включает в себя не только общность условного возраста ее членов, но и возрастную субкультуру, то есть набор признаков и ценностей, по которым представители данного возраста осознают себя в качестве «мы», отличного от других возрастных общностей.

Современные исследователи различают несколько видов старости: хронологическую, физиологическую, психологическую и социальную. Они считают, что все эти виды взаимообусловлены и оказывают определенное влияние друг на друга. При этом календарный возраст не всегда играет ведущую роль: хронически больной человек гораздо раньше начинает чувствовать преклонный возраст, чем физически крепкий и здоровый. Наступление разных видов старости обычно не совпадает по времени: они могут обгонять и отставать друг от друга. В то же время невозможно уверенно утверждать, какой из названных видов наиболее активно влияет на общий процесс старения. Скорость старения обуславливается как биологическими, так и социальными условиями и факторами.

Под физиологической или физической старостью сегодня принято понимать определенное состояние здоровья, совокупность статистических отклонений организма от его нормы [6]. Точно установить ее границы еще труднее, чем при хронологическом подходе. Исследователи связывают это с тем, что процесс физического старения во многом индивидуален. В одном и том же пожилом возрасте одни люди могут быть здоровы и не стары, другие по состоянию своего здоровья как бы обгоняют свой возраст.

Представления о социальной старости связаны прежде всего с возрастом всего общества в целом и соотносятся со средней продолжительностью жизни в определенной стране и определенном временном отрезке. Старение в большей степени социальный, чем биологический процесс, неодинаковый для разных эпох и культур и представителей разных социальных слоев и групп. Например, если в XIX веке 55–60-летний человек воспринимался обществом как старый, и сам ощущал себя таким, то на рубеже XX – XXI веков люди в таком возрасте и старше ведут активный образ жизни. В связи с этим актуально изучать проблемы старения в соответствии с историческими сдвигами в трех областях индивидуальной жизнедеятельности: локализация в историческом времени, эффективность в сфере труда, социальные ориентации и функции семьи по отношению к пожилым. Необходимо также учитывать культурно-социальные критерии, которые определяют специфику процесса старения и положение пожилых в обществе: владение собственностью и доход, стратегические знания, работоспособность, взаимная зависимость поколений, традиции и религия, потеря ролей и ролевая неопределенность, потеря будущего.

Эти критерии одновременно являются и теми индикаторами, которые формируют отношение к геронтогруппе. В этом случае рассмотрение истории старого возраста будет взаимосвязано с историей формирования отношения к пожилым и старикам со стороны общества. С точки зрения исследования геронтогруппы, по мнению авторов, более удобным считать началом пожилого возраста возраст выхода на пенсию по старости, то есть для женщин – 55, а для мужчин 60 лет. Именно этот формальный переход из категории трудоспособного населения в группу пенсионеров становится одной из основных причин усиления социальных проблем людей. Более того, данная социально-демографическая группа становится сегодня доминирующей не только в России, где наблюдается общее «старение», но и во всем мире. По данным ООН, в 1950 г. в мире было 214 млн. людей старше 60 лет, в 2000 г. – 590 млн. людей, а, по прогнозу, в 2025 г. их будет 1 100 млн. Численность лиц пенсионного возраста возрастет в 5 раз, тогда как население планеты увеличится лишь в 3 раза [4, с. 56].

Статистические данные по численности населения Ярославской области в сравнении со средними по Российской Федерации показывают, что в 2004 году тенденция постарения была более выраженной: если в среднем по России 20,3% населения являются гражданами пожилого возраста, то в Ярославской области – 24,0% [7].

При этом наблюдается значительный разрыв в уровне средней ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин, что является одной из особенностей социально-демографического развития России. Во всех развитых странах женщины

живут дольше мужчин на 2–5 лет в среднем. В России этот разрыв постоянно увеличивается и в настоящее время составляет 12,5 лет. Если говорить точнее, этот показатель был превышен в России десять лет назад – в 1994 году (разница в 13,6 лет) и 1995 году (разница в 13,4 года). Подобная разница свидетельствует о неблагоприятных условиях жизни преимущественно мужского населения, а также их высокой смертности от неестественных причин в общей структуре смертности.

Специфика демографической ситуации в России заключается в старении населения, сопровождающимся снижением средней продолжительности жизни. Системный анализ как методологический принцип изучения данного социального явления позволяет рассмотреть старость как состояние, как свойство и как отношение в рамках социальной целостности. Вопрос об объективной реальности геронтогруппы в изменяющейся России не стоит, проблема возникает тогда, когда необходимо исследовать и описать социально-психологические характеристики, статусно-ролевые функции и особенности социальной адаптации как отдельных пожилых людей, так и выделенной группы в целом.

Пожилые люди – глубоко дифференцированная группа по возрасту, по уровню материальной обеспеченности, по семейному положению, по занятости, по состоянию здоровья, образованию, месту жительства и т.д. Особо выделяют пожилых людей, проживающих в стационарных учреждениях социального обслуживания населения или домах-интернатах. Так, на 1 января 2013 года только в 18 ярославских учреждениях проживало около 4 тыс. человек [5].

Все представители геронтогруппы имеют как схожие, так и особые потребности, удовлетворение которых прямо способствует повышению уровня социальной адаптации. В соответствии с Конституцией РФ, каждый гражданин независимо от возраста, пола, вероисповедания и национальности имеет право на образование и социальное обслуживание [8]. Качество предоставляемых учреждениями социальных услуг и их количество – важные факторы социальной адаптации геронтогруппы.

Демографической особенностью и характеристикой геронтогруппы является превалирование доли женщин. При этом чем старше возраст, тем больше численность женщин в возрасте старше 80-ти лет. В этой возрастной группе численность женщин превышает мужчин в 4 раза [9].

Важной характеристикой геронтогруппы выступает медицинский статус ее представителей, который, в свою очередь, представляет собой биопсихософическое состояние организма с наличием или отсутствием соматической и (или) психической патологии.

Причинами последних являются естественные физиологические изменения, происходящие в ходе старения организма. К ним относятся замедление биохимических реакций, снижение скорости передачи нервных импульсов, изменения вегетативной и высшей нервной деятельности, перестройка в эндокринной системе организма, смена гормонального фона и т. д. Все это с неизбежностью вызывает развитие изменений состояния стенок сосудов, трофики мозговой ткани, а также трансформацию мнемических процессов и эмоционально-волевой сферы личности.

Специфической особенностью и характеристикой геронтогруппы является наличие у конкретного пожилого человека 2–3 заболеваний, чаще сосудистого характера. Такая полиморбидность соматической патологии отмечалась специалистами ВОЗ еще с 80-х годов XX века, и эта тенденция сохраняется по настоящее время. Так, наиболее распространенными в геронтогруппе является сердечно-сосудистая патология, второе место принадлежит болезням органов дыхания, третья позиция у заболеваний опорно-двигательного аппарата, на четвертом месте – сахарный диабет и его осложнения. При этом отмечается сочетание сердечно-сосудистой патологии с заболеваниями органов дыхания и заболеваниями опорно-двигательного аппарата. Наличие в этой возрастной группе сахарного диабета второго типа и его осложнений существенно ускоряет возникновение и развитие сердечно-сосудистой патологии.

Таким образом, в условиях современного российского общества наблюдается тенденция постарения населения. Выделение и описание геронтогруппы имеет теоретическое и практическое значение. В основе ее развития лежат объективные

процессы общественного прогресса. Геронтогруппа имеет глубокую внутреннюю дифференциацию и тенденцию к доминированию в современном обществе. Она имеет определенный социальный статус в российском обществе и ролевые функции.

Ссылки / Reference

- [1] Росенко С. И. Социальная дифференциация российского постсоветского общества. // Общество. Среда. Развитие (Terra humana). 2012. № 2. – С. 83–86.
- [2] <http://ria.ru/society/20130925/965712660.html> (дата обращения 2.04.2015 г.).
- [3] http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (дата обращения 30.03.2015 г.).
- [4] Россия в цифрах, 2006: крат. стат. сб. / Федер. Служба гос. статистики (Росстат). Москва, 2006. – 462 с.
- [5] Положение пожилых граждан в Ярославской области // Сборник статистических и информационно-аналитических материалов, Ярославль, 2013. – 88 с.
- [6] Албегова И. Ф., Попова А. В. Государственная система стационарных учреждений социального обслуживания, защиты и поддержки населения как фактор социальной адаптации пожилых людей в изменяющейся России: Монография. Ярославль: ЯГПУ, 2009. – 257 с.
- [7] Демографические процессы в Ярославской области в сравнении с другими регионами Центрального федерального округа России. Стат. сб. – Ярославль: Яроблстатуправление, 2004. – 157 с.
- [8] Албегова И. Ф., Старцева О. Н. Образование пожилых людей как фактор их здоровья в условиях постоянного проживания в современном доме-интернате // Социология медицины. 2014. № 1. – С. 59–62.
- [9] Албегова И. Ф., Попова А. В. Влияние здоровья пожилых людей на процессы их адаптации к условиям проживания в домах-интернатах // Социология медицины. 2010. № 2. – С. 36–39.

УДК 323.22

К вопросу о функционировании общественного мнения в сфере внешней политики¹

И. Ю. Киселев, А. Г. Смирнова

*Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова*

E-mail: igkisselev@mail.ru; agsmirnova2001@mail.ru

To the Issue of the Functioning of Public Opinion in the Sphere of Foreign Policy

I. Y. Kiselev, A. G. Smirnova

P.G. Demidov Yaroslavl State University

Научная статья

Scientific article

В статье рассматривается проблема функционирования общественного мнения в сфере внешней политики. В частности, обсуждается значимость общественного мнения в выработке и реализации внешнеполитического курса. Кроме того, на примере исследований американских и российских ученых описаны основные составляющие внешнеполитического сознания, позволяющие обычным гражданам осмыслить информацию о внешнеполитических событиях, а также сформулировать мнение относительно успешности деятельности правительства.

The issue of functioning of public opinion in the sphere of foreign policy is under consideration in the article. In particular, the significance of public opinion in the development and realization of foreign policy course is under discussion. Besides, the main dimensions of foreign policy consciousness, which enable ordinary citizens to comprehend the information about foreign policy events and to formulate the opinion about the effectiveness of governments' activity, are described on the basis of American and Russian scholars' research.

Ключевые слова: общественное мнение, внешняя политика, патернализм, социальные установки.

Keywords: public opinion, foreign policy, paternalism, attitudes.

Функционирование общественного мнения в структуре институтов власти и управления в сфере внешней политики представляет собой одну из фундаментальных проблем политической социологии и политологии. Сохраняющийся высокий интерес к ее исследованию обусловлен спецификой процесса принятия политических решений. Его участниками выступают не только должностные лица и коллегиальные органы государственной власти, но и политические партии, группы давления. Более того, как подчеркивает А.И. Соловьев, «принятие решений в государстве выливается в непрерывный диалог профессионалов и общественности, имеет форму соучастия управляющих и управляемых» [1, с.483].

Присутствие множества субъектов, которые характеризуются особым видением целей и средств внешней политики, а также разным уровнем власти и влияния, приводит к постановке проблемы учета их специфических интересов в выработанном решении. Р.Хилсман полагает, что участники политического процесса стремятся к достижению соглашения [2].

Основанием для него должно стать решение, *приемлемое* в идеале для всех заинтересованных сторон [3]. В свою очередь, невыполнение этого условия приводит к возникновению дополнительных затрат на реализацию принятого решения, поскольку если субъекты не считают его приемлемым, то могут отказаться от его исполнения.

В связи с этим интерес представляет исследование закономерностей функционирования общественного мнения в сфере внешней политики.

Поставленная проблема складывается из целого ряда конкретных вопросов. Наиболее важные из них связаны, во-первых, с изучением моделей взаимодействия

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-03-00455

© Киселев И.Ю., 2015

© Смирнова А.Г., 2015

власти и общественного мнения в сфере внешней политики. Иначе говоря, необходимо раскрыть значимость общественного мнения в выработке и реализации внешнеполитического курса. Во-вторых, исследование поставленной проблемы направлено также на описание социальных установок представителей разных социальных групп, взаимосвязей между ними, а также анализ того, как они влияют на восприятие и оценку внешнеполитической стратегии, реализуемой властью.

Общественное мнение о внешней политике: формировать или учитывать?

Проблема поиска оптимальной модели взаимодействия общественного мнения и субъектов принятия внешнеполитических решений находит отражение в существовании так называемой *дилеммы подотчетности*. Ее возникновение связано с тем, что политики, принимая решения, вынуждены считаться с мнением групп, которые обладают *недостаточными знаниями* в сфере рассматриваемой проблемы и чья позиция по тем или иным вопросам отличается *непоследовательностью и недальновидностью (опасность «глупой аудитории»)*[4]. В результате в стремлении опереться на общественное мнение политики рискуют принять решения, которые характеризуются высокой *иррациональностью*. Вместе с тем они не могут полностью проигнорировать предпочтения потенциальных избирателей, снижая уровень приемлемости решений. Сказанное особенно справедливо, когда речь идет о *демократических государствах*, в которых политика осуществляется политическими лидерами от имени доверителей, в качестве которых выступают избиратели. Они наделены возможностью одобрить или высказаться против проводимого курса посредством выборов и выражения общественного мнения.

Однако было бы ошибочно связывать специфику взаимоотношения субъектов принятия политических решений и общественного мнения только с особенностями политической системы. Так, Д. П. Гавра описывает шесть режимов взаимодействия власти и общества: подавление общественного мнения, игнорирование общественного мнения, патернализм власти по отношению к общественному мнению, сотрудничество (взаимореализация) общественного мнения и власти, давление общественного мнения на власть и диктатура общественного мнения [5]. Некоторые из них, по мнению ученого, могут сложиться как в условиях авторитаризма, так и демократии (например, патернализм).

Какие из них характеризуют взаимоотношения власти и общественного мнения в сфере внешней политики? Можно предположить, что, как и во внутренней политике, существует разнообразие возможных паттернов. Вместе с тем возникновение некоторых из них более вероятно, учитывая особенности самой сферы внешней политики. В частности, нельзя не согласиться с мнением В. В. Федорова и Д. В. Поликанова о том, что механизм принятия внешнеполитических решений «менее демократичен» [6], чем выработка внутриполитических решений.

С одной стороны, низкий уровень вовлеченности широкой общественности в процесс принятия решений обусловлен закрытостью этой сферы, значимостью рассматриваемых вопросов, информация по которым зачастую предназначена исключительно для «служебного использования». С другой стороны, неучастие объясняется тем, что интерес обычных граждан к проблемам, возникающим на международной арене, как правило, довольно низкий. Отсутствие интереса к проблемам внешней политики сочетается с низким уровнем информированности (за исключением некоторых тем), а также невысокой компетентностью в данной сфере.

В результате в литературе по проблеме общественного мнения, прежде всего американской, сложилось достаточно устойчивое представление о его характеристиках в сфере внешней политики, обозначаемое как «консенсус Алмонда-Липпмана» [7]. Его содержание раскрывается в трех утверждениях. Во-первых, общественное мнение отличается высокой подвижностью, изменчивостью и, следовательно, создает довольно зыбкий фундамент для принятия внешнеполитических решений. Во-вторых,

социальным установкам по внешнеполитической проблематике недостает целостности и структурированности, в результате это ведет к отсутствию установок как таковых. В-третьих, по большому счету общественное мнение оказывает незначительное влияние на реализацию внешней политики. Например, В. В. Федоров и Д. В. Поликанов полагают, что «в России общество отчуждено от дипломатии гораздо больше, чем в развитых странах Запада», процесс создания внешнеполитического курса «крайне персонализирован» [8]. При этом президент России, с деятельностью которого эксперты преимущественно и связывают направление внешнеполитического курса, полагает, что рейтинги, которые отражают уровень поддержки населением проводимого курса, должны учитываться, но не служить главным ориентиром при принятии внешнеполитических решений. Так, отвечая на вопросы участников Всероссийского молодежного форума «Селигер-2014», В. В. Путин отметил: «Если это что-то, что в общественном сознании ещё не получило положительной оценки, задача заключается не в том, чтобы подстроиться под общее мнение, – задача заключается в том, чтобы его честно и открыто объяснить» [9]. Фактически, по мнению президента РФ, ведущая роль во взаимоотношениях власти и общественного мнения принадлежит первой.

Таким образом, можно предположить, что в сфере внешней политики отношения между властью и обществом тяготеют скорее к *патерналистской модели*, которая предполагает не подавление общественного мнения, а его формирование посредством разъяснения позиций по ключевым вопросам внешней политики. При этом она актуальна не только для авторитарных, но и для демократических государств [10].

На формирование модели построения отношений между общественным мнением и субъектами принятия внешнеполитических решений оказывает влияние не только тип политического режима, но и другие факторы.

Среди них необходимо отметить следование принципам *реализма* или *либерализма* в международных делах. Как известно, они представляют собой не только научные теории, но и концепции, которые используются политиками в практике международных отношений и, следовательно, служат основанием для определения значимости общественного мнения в разработке внешнеполитического курса страны. *Реалисты* описывают общественное мнение как барьер для вдумчивой и последовательной дипломатии, препятствующий усилиям по продвижению национальных интересов страны. Реализация внешней политики требует информированности, гибкости, соблюдения секретности и других условий, которые трудно соблюдать при условии участия широкой общественности в принятии внешнеполитических решений.

В свою очередь сторонники *либерализма* признают значимость общественного мнения и рассматривают его как средство избежания эскалации конфликтов в международных делах, поскольку участие общественности в принятии внешнеполитических решений и подотчетность политиков избирателям способно удержать их от развязывания войны. Подобные идеи, в частности, отражены в теории демократического мира.

В разные периоды внешнеполитическая деятельность государств может базироваться на идеях как реализма, так и либерализма. Например, президент США В. Вильсон связывал надежды на формирование международной безопасности после Первой мировой войны с распространением либерализма. В свою очередь, реализм стал наиболее влиятельной концепцией после окончания Второй мировой войны. В последние годы многие страны мира столкнулись с результатами американской внешней политики, *сочетающей в себе элементы реализма и либерализма* (так называемый «демократический реализм» [11]). В частности, широкое распространение получила идея о том, что безопасность может быть обеспечена за счет установления демократических режимов в государствах, представляющих потенциальную угрозу. При этом данная концепция признает значимость общественного мнения, однако мнения – формируемого *средствами массовой информации*.

В данном случае взаимодействие субъектов принятия внешнеполитических решений и общественного мнения опосредовано СМИ, которые привлекают внимание граждан к тем или иным политическим проблемам, выступая зачастую единственным

источником информации о них. Однако их роль может интерпретироваться двояко. Она находит отражение в действии так называемого «эффекта CNN» [12]. Его суть состоит в том, что СМИ, акцентируя внимание на отдельных политических проблемах и формируя определенное общественное мнение, вынуждают политиков реагировать на эти проблемы. Бездействие, очевидно, вызовет неодобрение со стороны избирателей и будет также освещено в СМИ. Таким образом, общественность получает возможность оказывать влияние на процесс принятия внешнеполитических решений. Однако подобное влияние, по мнению Дж. Ная, негативно сказывается на качестве решений, поскольку СМИ задают свою «повестку дня», подчас вынося на первый план события, на которых политики предпочли бы не акцентировать внимание. Кроме того, интенсивное новостное вещание требует быстрого обновления информации, что существенно сокращает время для принятия решений, его обдумывание [13].

Нельзя не согласиться и с тем, что средства массовой информации тесно взаимодействуют с субъектами принятия внешнеполитических решений. В результате общественное мнение формируется посредством распространения СМИ информации, которая позволяет создать поддержку уже разработанной и реализуемой внешнеполитической стратегии. Фактически средства массовой информации также вносят вклад в реализацию патерналистской модели.

Вместе с тем очевидно, что данная модель – не единственная, и общественное мнение играет более активную роль в разработке внешнеполитической стратегии. Подтверждением этому служат результаты исследований, направленных на проверку «гипотезы возмездия избирателей» [14]. Ее содержание заключается в том, что избиратели способны «наказать» политиков или партии за неудачный с их точки зрения политический курс, не поддержав их на выборах. Как следствие, не всегда имея возможность оказывать непосредственное воздействие на процесс принятия решений, обычные граждане влияют на его субъекта. В частности, политические лидеры вынуждены ориентироваться на *ожидания* граждан относительно результатов реализуемой стратегии, *антиципируя* их, в том числе на основе результатов опросов общественного мнения. Фактически в данном случае общественное мнение создает контекст, в котором принимаются внешнеполитические решения.

Согласно исследованию С. Телхами, в арабских странах правительства получали легитимность за счет того, что демонстрировали приверженность двум категориям транснациональных символов, которые поддерживались общественным мнением: праву палестинцев на самоопределение и антиколониализму. Они находят отражение в антиамериканизме и выступлениях против Израиля [15]. Если общественность воспринимала свое правительство как неспособное реализовать эти символы во внешней политике, то могли возникнуть протестные действия, направленные против него. В результате наличие консолидированного мнения, отражающего представления об идентичности и статусе этих государств на международной арене, создало достаточно четко определенные рамки внешнеполитической стратегии политической элиты. Фактически в данном случае можно говорить о режиме *давления общественного мнения на власть*.

Отношения общественного мнения и власти могут быть реализованы также и в режиме *сотрудничества (взаимореализации)* общественного мнения и власти. Например, проведению в Крыму референдума о присоединении к РФ предшествовало проведение социологического опроса, позволившего изучить настроения жителей полуострова [16]. В данном случае общественное мнение выступает для власти в качестве *условия* принятия решения, а также его дальнейшей реализации.

Антиципация ожиданий общественности и поддержание отношений сотрудничества с субъектами принятия внешнеполитических решений невозможна без описания базовых конструктов, на которые опираются обычные граждане в оценке внешней политики.

Проблема представлений о внешней политике

Интерес к исследованию общественного мнения в сфере внешней политики вырос вследствие пересмотра основных положений «консенсуса Алмонда – Липпмана». В США, по мнению О. Р. Холсти, взгляд на природу общественного мнения изменился после войны во Вьетнаме [17]. В частности, было показано, что, несмотря на низкий уровень информированности, социальные установки обывателей относительно международных проблем имеют довольно целостную структуру. Более того, неопределенность, сопровождающая международные политические процессы, не только не препятствует упорядочиванию установок, но даже предрасполагает к этому. В связи с этим важно выявить и описать основные конструкты, которые позволяют гражданам упорядочить и осмыслить информацию о внешнеполитических событиях, а также сформировать мнение относительно успешности деятельности правительства.

Наиболее систематизированные данные описывают особенности внешнеполитического сознания американцев.

Одно из измерений, которое позволяет упорядочить знания о внешней политике, представлено дихотомией «изоляция – интернационализм». При этом важно подчеркнуть, что размышление о внешней политике с точки зрения отмеченных параметров свойственно не только обычным гражданам, но и представителям политической элиты. В частности, тема участия США в международных делах (интернационализм) или необходимости сосредоточиться на внутренних проблемах (изоляция) присутствует в инаугурационных речах американских президентов и определяет направленность внешнеполитической стратегии Америки [18]. Важно подчеркнуть, что ориентация на интернационализм и изоляционизм сменяют друг друга. Например, после распада СССР общественное мнение демонстрировало склонность к изоляционизму. В отмеченный период А. Шлесингер характеризовал общественность как 1) несклонную поддерживать миротворческие миссии за рубежом, 2) демонстрирующую нежелание участвовать в международной деятельности, которая может быть связана с потерями, 3) отказывающую в долговременной поддержке международным институтам [19]. Несколько лет спустя необходимость борьбы с международным терроризмом обусловила активную вовлеченность США в международные дела. Однако в 2008 г. Б. Обама вновь построил президентскую программу преимущественно вокруг решения внутривнутриполитических проблем [20]. В свою очередь, его второй президентский срок проходит под лозунгом о том, что «Америка должна лидировать в мире. Если она этого не сделает, не сделает никто» [21].

Однако в рамках данного измерения субъекты принятия внешнеполитических решений и обычные граждане могут высказывать несопадающие мнения. Как следствие, политические лидеры, ориентируясь на ожидания общественности, вынуждены принимать решения, которые ограничивают вовлеченность США в мировые проблемы.

Вместе с тем важно отметить, что ориентация на изоляционизм или интернационализм не является единственным параметром организации внешнеполитического сознания американцев. Е. Р. Виткопф полагает, что представления общественности о внешней политике организованы в соответствии с двумя ключевыми факторами: поддержкой или оппозицией воинственного интернационализма и поддержкой или оппозицией кооперативного интернационализма [22]. Описанная структура характеризуется ориентацией на вовлеченность США в международные дела, что соответствует субъективной статусной позиции государства как единственной великой державы. Однако при этом исследователь констатирует существование в общественном мнении различий относительно стратегии реализации лидерства. В результате могут быть описаны четыре типа внешнеполитического сознания, которые свойственны: 1) сторонникам жесткой стратегии во внешней политике (поддерживают воинственный интернационализм и не поддерживают кооперативный), 2) интернационалистам (поддерживают обе позиции), 3) изоляционистам (не поддерживают

ни одну позицию), 4) сторонникам сближения во внешней политике (поддерживают кооперативный интернационализм и не поддерживают воинственный).

Представленная классификация в целом отражает основные положения реализма и либерализма во внешней политике. Как отмечалось в предыдущем разделе статьи, обе эти позиции в разные годы формировали основания стратегии США в отношениях с другими странами. В частности, внешнеполитическое сознание сторонников жесткой стратегии соответствует концепции реализма; сторонники сближения разделяют идеи либерализма. Демократический реализм сопоставим с внешнеполитическим сознанием интернационалистов. Таким образом, можно предположить, что предложенная структура внешнеполитического сознания наиболее корректно отражает содержание социальных установок обычных граждан и представителей политической элиты.

Еще одно измерение внешнеполитического сознания американцев связано с дифференциацией установок на односторонние или многосторонние действия [23]. На фоне представлений о лидерстве США в мире американские политики в последние десятилетия не раз предпринимали действия в обход решений международных институтов. Вместе с тем широкое распространение получила также и стратегия реализации национальных интересов посредством создания широкой коалиции на основе убеждения союзников в том, что неудачи в противодействии угрозе губительно отразятся на их национальных интересах. Подобная стратегия была реализована в борьбе с терроризмом, в Ираке, Сирии, Ливии, в санкционных кампаниях против Ирана и России. Однако будучи проведенными в многостороннем формате, действия на международной арене направлены на реализацию прежде всего национальных интересов США.

Можно ли описать аналогичные структурные компоненты внешнеполитического сознания россиян?

Поставленная задача сложна, поскольку все еще продолжается формирование идентичности России как независимого государства, определение статуса и ролевой концепции нашей страны. Данное обстоятельство находит отражение в том, что даже в начале 2000-х годов геополитическое мышление россиян находилось на достаточно низком уровне и опиралось на стереотипы, которые относились к советскому периоду [24].

Как следствие, можно предположить, что в качестве организующих выступают такие конструкты внешнеполитического сознания, которые позволяют определить положение России на международной арене. Среди них, по нашему мнению, необходимо назвать традиционную для российского политического сознания оппозицию западничество – почвенничество, которая выступает значимой ценностно-мировоззренческой дилеммой [25]. Она находит отражение либо в стремлении россиян идентифицировать себя в качестве европейцев и поддержать вхождение страны в западную цивилизацию, либо в склонности рассматривать сближение с Западом как нежелательный путь развития [26]. Другое направление осмысления внешней политики связано с определением России как великой державы. По мнению специалистов ВЦИОМ, россияне хотели бы видеть страну в числе 10–15 влиятельных государств [27]. Однако влияние не связано с мессианством, а с обретением авторитета и уважения. Кроме того, для жителей страны, которая в недавнем прошлом выступала в качестве одного из ведущих игроков в мировых политических процессах, актуальным представляется осмысление внешней политики в терминах изоляционизм – интернационализм. Подобная оппозиция разрешена посредством выбора прагматической стратегии во внешней политике, предполагающей соотношение уровня вовлеченности в международные процессы с имеющимися интересами и возможностями.

Результаты приведенных исследований внешнеполитического сознания американцев и россиян позволяют заметить, что представления об участии государств в международных процессах формулируются на основе относительно небольшого количества параметров. Однако, по мнению политических психологов, этого достаточно для осмысления сложных внешнеполитических проблем и генерирования оценок деятельности лидеров. Как подчеркивает О. Холсти, они выступают в качестве эвристик,

то есть стратегий, позволяющих осмысливать сложную и многоаспектную информацию и экономить при этом когнитивные ресурсы [28]. Более того, подобные базовые параметры предоставляют возможность сформировать мнения по проблеме, располагая минимальными знаниями о текущих событиях. Согласно теории когнитивного соответствия, субъекты склонны осмысливать новую информацию в «привязке» к уже имеющимся представлениям. Подобная когнитивная стратегия актуализируется в условиях дефицита информации. В связи с этим, чем меньше знает субъект о положении дел на международной арене, тем более целостной, но при этом не обязательно корректной, будет его картина мира, позволяющая сформировать мнение по проблеме.

Завершая краткое рассмотрение двух ключевых проблем функционирования общественного мнения в сфере внешней политики, необходимо сделать следующие выводы.

Несмотря на довольно низкий уровень информированности о проблемах внешней политики, граждане способны сформулировать мнение о них, которое отличается достаточно высокой целостностью и упорядоченностью. При этом сложившееся мнение отражает ожидания от реализации проводимой внешней политики, которые, с одной стороны, могут выступать своего рода оценочной точкой для политического лидера при выборе альтернатив в процессе принятия решений. С другой стороны, зачастую оно становится и объектом воздействия в форме долгосрочных образовательных, пропагандистских программ, нацеленных на повышение поддержки политического курса в будущем (фактически в данном случае речь может идти о социализации или ресоциализации представителей разных социальных групп). Однако политики могут испытывать потребность в организации кратковременной поддержки. Значимая роль в этом случае принадлежит средствам массовой информации. В обоих случаях «общественное мнение является значимым ресурсом внешней политики» [29]. Однако закономерности генерирования и использования подобного ресурса еще предстоит изучить.

Ссылки / Reference

- [1] Соловьев А. И. Политология: политическая теория, политические технологии / А. И. Соловьев. М.: Аспект Пресс, 2000. – 559 с. (С. 483).
- [2] Hilsman R. To Move a Nation: the Politics of Foreign Policy in the Administration of John F. Kennedy. Garden City, N. Y.: Doubleday, 1967. P. 552.
- [3] Farnham B. Roosevelt and the Munich Crisis: A Study of Political Decision Making. Princeton, NJ.: Princeton University Press, 1997. P. 259.
- [4] Киселев И. Ю. Политический истеблишмент: психологические аспекты практики властвования М.: ИП РАН, 2000. С. 311.
- [5] Гавра Д. П. Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии, 1998. Том 1. № 4. – С. 62–76.
- [6] Федоров В. В., Поликанов Д. В. Общественное мнение о внешней политике России // Полития, 2005. № 1. С. 22–39 – <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/01/25/1251411879/2.pdf>
- [7] Holsti O. R. Public Opinion and Foreign Policy: Challenges to the Almond-Lippmann Consensus [1992] // Holsty O. R. Making American Foreign Policy. NY: Routledge Taylor & Francis Group, 2006. P. 55.
- [8] Федоров В. В., Поликанов Д. В. Общественное мнение о внешней политике России // Полития, 2005. № 1. С. 22–39; С. 26 <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/01/25/1251411879/2.pdf>

- [9] Всероссийский молодежный форум «Селигер–2014». 29 августа 2014 года. – <http://kremlin.ru/news/46507> (Дата обращения 15 марта 2015 г.)
- [10] Гавра Д. П. Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии, 1998. Том 1. № 4. С. 68.
- [11] Snyder J. One World, Rival Theories // Foreign Policy, 2004. November/December. P. 54.
- [12] Neack L. The New Foreign Policy: U.S. and Comparative Foreign Policy in the 21st Century. Lanham, Boulder, NY, Oxford: Rowman& Littlefield Publishers, inc., 2003. P. 115.
- [13] Ney J. S. jr. Redefining NATO's Mission in the Information Age // NATO Review. 1999. Winter. – <http://www.nato.int/docu/review/1999/9904-03.htm>
- [14] Holsti O. R. Public Opinion and Foreign Policy: Challenges to the Almond-Lippmann Consensus [1992] // Holsty O. R. Making American Foreign Policy. NY: Routledge Taylor & Francis Group, 2006. P. 72.
- [15] Прив. по: Neack L. The New Foreign Policy: U.S. and Comparative Foreign Policy in the 21st Century. Lanham, Boulder, NY, Oxford: Rowman& Littlefield Publishers, inc., 2003. P. 109–112.
- [16] Крым. Путь на Родину. Фильм. А. Кондрашова. – http://russia.tv/brand/show/brand_id/59195
- [17] Holsti O. R. Public Opinion and Foreign Policy: Challenges to the Almond-Lippmann Consensus [1992] // Holsty O.R. Making American Foreign Policy. NY: Routledge Taylor & Francis Group, 2006. P. 62.
- [18] Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001) с историческим комментарием / Общ. ред. и коммент. Э. А. Иваняна. М., 2001. – 528 с.
- [19] Schlesinger A. Jr. Back to Womb? Isolationism's Renewed Threat // Foreign Affairs, 1995. № 74. Pp. 16–18.
- [20] Киселев И. Ю. Образ США в инаугурационной речи Б. Обамы: перемены, в которые мы можем поверить? // V Всероссийский конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы». Москва 20 – 22 ноября 2009 г. М.: Российская ассоциация политической науки, 2009. С. 205.
- [21] Remarks by the President at the United States Military Academy Commencement Ceremony. U.S. Military Academy-West Point, West Point, New York – <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/05/28/remarks-president-united-states-military-academy-commencement-ceremony>
- [22] Wittkopf E. R. On the Foreign Policy Beliefs of the American People: A Critique and Some Evidence // International Studies Quarterly, 1986. № 30. Pp. 425–445.
- [23] Holsti O. R. Public Opinion and Foreign Policy: Challenges to the Almond-Lippmann Consensus [1992] // Holsty O.R. Making American Foreign Policy. NY: Routledge Taylor & Francis Group, 2006. P. 68.
- [24] Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика / Под ред. В. А. Колосова. – М. : Институт фонда «Общественное мнение», 2003. С. 261.
- [25] Малинова О. Ю. Методологические проблемы изучения идеологических представлений элитных групп // Вестник Московского университета. – Серия 12. Политические науки. 2008. № 6. – С. 92–93;
- [26] Селезнева А. В. Основные подходы к анализу политических ценностей в современной России // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2007. Выпуск 1. – С. 128–134.

- [27] Федоров В. В., Поликанов Д. В. Общественное мнение о внешней политике России // *Полития*, 2005. № 1. С. 22–39 – <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/01/25/1251411879/2.pdf>
- [28] Петухов В. В. Приоритеты внешней политики: эволюция массовых установок // *Мониторинг общественного мнения*, 2004. № 1. С. 34–45; Федоров В. В., Поликанов Д. В. Общественное мнение о внешней политике России // *Полития*, 2005. № 1. С. 22–39 – <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/01/25/1251411879/2.pdf>.
- [29] Holsti O. R. *Public Opinion and Foreign Policy: Challenges to the Almond-Lippmann Consensus [1992]* // Holsty O.R. *Making American Foreign Policy*. NY: Routledge Taylor & Francis Group, 2006. P. 69.
- [30] Цыганков П. Внешняя политика и общественное мнение // *Обозреватель – Observer*, 2008. № 7. С. 50.

УДК 329.058

**Политические партии РФ
и проблемы соответствия их
деятельности социальным
интересам российского
общества**

В. Н. Порывкин

*Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова*

E-mail: politol@uniyar.ac.ru

Научная статья

В статье рассматриваются вопросы финансирования современных политических партий РФ. Автор предполагает, что проблемы в этой области делают партии зависимыми от «спонсоров», решающих свои задачи вне интересов социальных групп российского общества, что требует серьезных изменений в законодательной базе РФ.

Ключевые слова: политическая партия, социальная группа, социальные интересы, финансирование политических партий, политический рынок, политические услуги.

**Political parties in Russia
and issues of corresponding
of their activities to social
interests of Russian society**

V. N. Poryvkin

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Scientific article

The article deals with the financing of political parties of modern Russia. The author suggests that the problems in this area make the party dependent on the «sponsors», who solve their problems outside the interests of Russian society's social groups. This requires serious changes in the Russian legislation.

Keywords: political parties, social groups, social interests, financing of political parties, political market, political services.

Общеизвестно, что российское общество социально неоднородно по своей природе. Уже десятилетия существуют высшие, средние и низшие социальные слои, имеющие различные интересы и потребности, определяемые материальными и финансовыми возможностями по своему удовлетворению. Исходя из этого, любая социальная группа обязательно в какой-то период времени начинает достаточно полно осознавать свои интересы и принимать действенные меры к их защите и реализации.

Поиск путей осуществления своих социальных интересов рано или поздно приводит группу к необходимости воздействия на политику. И через наиболее активных, наиболее полно осознающих свое положение представителей, используя разнообразные средства, социальная группа начинает все действенней влиять на принятие властными структурами выгодных ей решений и отмену неугодных. Такими средствами являются письма и иные формы обращений в органы власти, выступления в средствах массовой информации, проведение демонстраций, маршей, пикетирования и других акций социального протеста или, наоборот, социальной поддержки.

Важным средством выражения социальных интересов является и отказ в поддержке при избрании в органы власти людей, олицетворяющих противоположные социальные интересы. Или, наоборот, активная поддержка представителей своей социальной группы избирателями в период предвыборных кампаний, если данные избиратели имеют признаки наличия у себя социального:

самосознания и не являются «социал-предателями», то есть лицами, голосующими против своих социально родственных представителей за взятки, сиюминутные подачки, несбыточные обещания и просто «по глупости».

Безусловно, что борьба и достижение компромиссов при реализации различных социальных интересов должны иметь наглядное отражение в стратегических и повседневных решениях исполнительной власти, а также в деятельности депутатских парламентских групп при принятии законов и оценке решений исполнительной власти.

Все это позволяет сформулировать следующее: стремление представителей социальных слоев и групп участвовать в политических процессах, определяющих их жизнь, исходя из социально-групповых интересов, вполне естественно и должно выглядеть как мощный политический фактор развития общества, показатель многомерной картины социальной жизни государства, формирующий тенденции качественных изменений на ближайшую перспективу.

Поэтому вполне закономерен вопрос: какая же политическая организация способна отстаивать интересы социальных групп в современной России?

Абсолютному большинству граждан РФ должно быть хорошо известно, что партии РФ сегодня, исходя из Федерального закона «О политических партиях», – это именно те структуры, которые призваны по своей природе выполнять задачи по защите и отстаиванию социальных интересов граждан как перед органами власти, так и в их составе [1]. В этом весь смысл их существования и предназначения.

Поэтому зададимся вопросом: насколько способны современные политические партии РФ выполнять свои программные установки и предвыборные обещания по защите и реализации интересов хотя бы основной части социальных групп российского общества?

Начнем рассмотрение данного вопроса с констатации следующего факта: современная российская партия вынуждена нести, как и любая организация, определенные расходы для поддержания своей жизнедеятельности, которые весьма значительны. Но без них существование партии невозможно.

Из опыта партийной работы определим, что основные расходы партии идут на: содержание аппарата управления (зароботная плата, командировочные расходы); аренду (приобретение, эксплуатация) помещений для работы, насыщение их оргтехникой, средствами связи и управления; транспортные, канцелярские, коммунальные и прочие текущие расходы; выпуск партийной документации, газет, брошюр, значков, футболок и иной атрибутики; проведение партийных мероприятий (съездов, конференций, собраний, совещаний и занятий с партийным активом); избирательные кампании; обеспечение работы региональных организаций; подкуп политических шпионов и информаторов, ведение политической аналитики и разведки.

Объективные данные об источниках, истинных объемах и направлениях своих расходов партии, естественно, не публикуют в целях политической маскировки. Вся информация по данному вопросу, представляемая в уполномоченные органы, конечно, искажена, а суммы занижены. Автор знает это из собственного опыта многолетней работы в партийных структурах.

А что требует наиболее значительных расходов? Сошлемся в этой связи на заявление руководителя ЛДПР В. Жириновского, прозвучавшее на телевидении в начале 2012 года: «Для того чтобы региональные отделения партии только существовали, необходимо ежемесячно выделять им 30 млн. рублей, чтобы работали – 60 млн. рублей, а чтобы работали активно – 90 млн. рублей» [2].

Признаем объективным в этом заявлении лишь признательные тенденции, то есть утверждение: чтобы партия хотя бы «существовала», уже необходимо финансирование региональных отделений. И от объемов последнего зависит активность и боевитость работы каждого низового звена партии в своем регионе.

Опять же из собственного опыта автор знает, что финансирование региональных организаций именно федеральными органами партии сложилось еще в 90-х годах XX века в ходе формирования партийной системы в РФ. И объяснимо это следующим важнейшим обстоятельством: только таким образом «партийный центр» всегда принуждал регионы «к послушанию». Для этого очень эффективной оказалась «золотоордынская» схема финансирования «низов»: руководители региональных отделений партии с заданной периодичностью едут «на поклон» в центральные партийные органы, где получают строго «под отчет» деньги, материальные средства для ведения партийной работы. И только отчитавшись за расходование полученных средств, руководство региональной организации может претендовать на получение их новой «дозы» в объемах, определяемых персонально для каждого региона.

Вместе с тем всегда приветствовалось «добывание» средств для ведения партийной работы и в регионе, но в разумных пределах, таких, чтобы отделение партии не утратило финансовой зависимости от центра, а значит, и не обрело политической самостоятельности в суждениях, оценках и выдвижении кандидатов во власть.

Обратим самое серьезное внимание на это обстоятельство: обеспечение наличия в политических партиях «вертикали власти» и ее всяческая поддержка способом «финансирования» деятельности региональных и местных партийных структур есть важнейший элемент российского партийного строительства. И это есть не что иное, как признак авторитаризма, при котором реализовывать социальные интересы всех членов общества всегда проблематично, поскольку по своей сути авторитаризм есть форма обеспечения власти и реализации интересов лишь вполне определенных социальных групп общества за счет ущемления, естественно, других.

Отметим далее, что закон РФ «О политических партиях» предопределяет необходимость политической партии иметь свои отделения в половине регионов РФ [3]. Но для организации качественной партийной работы в масштабах страны наличия такого числа парторганизаций явно не хватит. По опыту автора, для уверенной работы партии сегодня необходимо наличие не менее 70–75 реально работающих региональных отделений, что требует от партии огромнейших расходов. Особенно это касается создаваемых партий, ведь ее представителям необходимо приехать в регион, найти сторонников, обучить их практике работы, оформить в организацию. А это невозможно сделать с использованием исключительно Интернета или каким-то подобным способом. Поэтому финансовая проблема обеспечения деятельности минимум семи десятков региональных организаций для любой партии перерастает в одну из главных и является определяющей для существования, поскольку без низовых структур теряется смысл в наличии самой партии как федеральной структуры.

Всё это еще более актуализирует вопрос: откуда брать деньги политическим партиям? И на него, как правило, получаем два совершенно наивных, по мнению автора, ответа.

Ответ первый: партии существуют на партийные взносы членов партии.

Однако если посмотреть партийные уставы, то нельзя не выделить следующее: а) взносы, как правило, уплачиваются «по возможности»; б) за их неуплату серьёзной ответственности никто из членов партии не несет [4]. Такая постановка вопроса вполне оправдана: притока желающих для вступления в партийные ряды давно уже нет. В Ярославской области, например, в партиях состоит немногим более 2% взрослого населения [5]. Но и эта цифра вызывает большие сомнения, поскольку неоднократно были вскрыты факты приписок и сохранения в списках давно выбывших из партии по заявлению и «утративших связь» с партией [6].

Стоит особо подчеркнуть: состав членов современных российских партий более чем разнороден. Есть те, кто активно работает. Но некоторые лица в партиях просто «числятся». Партийные руководители надеются, что такой член партии «вдруг в день выборов вспомнит о своей партийной принадлежности и проголосует за партию. И не один, а ещё приведет на избирательный участок кого-нибудь из родственников».

Много и тех, кто вступает в партию не по «идейным соображениям», а чтобы ликвидировать своё моральное или физическое одиночество, ради необходимости общения и самоутверждения в жизни [7].

Вывод из изложенного однозначен: потребуй у партийцев платить взносы – и значительная часть сразу же выйдет из партии.

То, что партии не в состоянии финансово обеспечить свою деятельность за счет взносов членов партии, а суммы членских взносов мизерны, подтверждают и данные Центральной избирательной комиссии, на основании которых проведены следующие подсчеты: «Единая Россия», имея численность более 2 млн. членов, собрала в 2012 году в виде партийных взносов 150 млн. рублей, то есть каждый член ЕР заплатил 6 рублей 25 копеек в месяц. ЛДПР при заявленной численности 204,6 тысяч членов получила в виде взносов 2,4 млн. руб., по 90 копеек с члена партии. «Справедливая Россия» собрала в этом же году членских взносов в сумме 297 тысяч рублей. И лишь КПрФ при числен-

ности 150 тысяч человек собрала 83,4 млн. взносов, то есть средний членский взнос составил 46 рублей, что явилось высшим показателем в этой области партийной деятельности» [8]. Все это еще раз подтверждает: этот источник финансирования партийной деятельности не просто ограничен, а нереален совсем.

Ответ второй: партии существуют на государственные деньги, получая их в зависимости от числа проголосовавших за них на выборах федерального масштаба и уровня.

Однако не составит труда определить, что: а) выделяемые суммы незначительны даже после их последних повышений [9] и не могут покрыть всех партийных расходов; б) они касаются лишь части политических партий, участвующих в выборах определенного уровня и добившихся успехов [10].

Напомним, что впервые полноценное бюджетное финансирование партий из казны было введено в 2001 году. Тогда за каждую тысячу набранных на выборах голосов полагалось по пять минимальных размеров оплаты труда или по 1,5 рубля за один голос. С тех пор эта сумма многократно выросла и с 2012 года составляла уже 50 рублей. А в 2015 году партии получают ежегодно уже по 110 рублей, умноженных на число голосов избирателей. Еще раз отметим, что нововведение касается только тех партий, которые набрали более 3% на федеральных выборах и прошли в Госдуму РФ.

Проведя элементарные подсчеты, можно убедиться: данный источник финансирования по-прежнему не решает финансовых партийных проблем. И вопрос, где взять огромные деньги политическим партиям для своего существования и усиленной деятельности по реализации интересов граждан и социальных групп, остается по-прежнему «зависшим».

В этих условиях для решения финансовых проблем партии вынуждены создавать финансово-экономический актив. Он состоит из *добывающих* (выпрашивающих) деньги для партии и их *дающих*, спонсоров, оказывающих партии регулярную или периодическую финансовую помощь.

Наивно предполагать, что «спонсоры» делают это безвозмездно. Возник спрос, определяющий предложение. Значит, сразу же возник своеобразный рынок, на котором партия вынуждена обслуживать интересы своих спонсоров.

Таковыми на федеральном, региональном и муниципальном уровне партия может выставить следующие: включение «проплаченных» граждан в предвыборные списки партии кандидатами во власть, прежде всего законодательную; поддержка инициатив физических и юридических лиц, в том числе при выдвижении в органы власти вне партийных списков; реализация «заказов» по моральному воздействию на организации и отдельных лиц путем проведения пикетов, демонстраций, митингов и прочих мероприятий, а также публикаций и выступлений в СМИ; поддержка («проталкивание») проектов законов партийными депутатами или, наоборот, обратное действие.

Из приведенных примеров можно сделать однозначный вывод: ассортимент партийных «услуг» достаточно широк. Без сомнения, что расценки по каждому виду услуг зависят от спроса и предложения на основании действующих законов рынка. Особое развитие политический рынок получил после принятия федерального закона «О политических партиях» в 2001 году, поскольку по нему только партии получили тогда право выдвигать своих представителей во власть. В итоге на продажу (сдачу в аренду) стали выставляться целые региональные отделения партий. Пример этому привел губернатор Рязанской области О. Ковалев в 2010 году [11]. Все это, конечно, требует научного осмысления и дальнейшего исследования, хотя фактический материал для реализации подобных научных целей найти очень сложно.

Однако даже поверхностное, ограниченное исследование позволяет сделать следующие выводы. Для своего существования и ведения работы по реализации «социальных интересов» на федеральном уровне и в регионах любой партии нужны огромные деньги. Афишируемый способ существования партий от «уплаты партийных взносов» просто нереален, а поддержка партий государством незначительна и не охватывает все партии.

В то же время современная политическая партия в РФ является обладателем некоего специфического товара – услуг, которые вынуждена выставлять на политический рынок.

Ассортимент и объемы реализуемых услуг позволяют партии существовать, определяя сущность и основное содержание ее работы. Цена «партийных услуг» зависит от возможностей партии. Поэтому в условиях такого *партийно-политического рынка* реализация партией интересов граждан, социальных групп в органах власти или ограничена, или невозможна совсем.

И хотя на современном российском политическом небосклоне существует несколько десятков вроде бы по своей социальной направленности разных политических партий, их программные документы воспринимаются всего лишь публичными заявлениями, а не руководством к действию. Поэтому политические партии в России мизерны по своему составу, информацию о действительном положении дел внутри их узнать невозможно из-за политической конкуренции, а партийные руководители в целях саморекламы и привлечения «покупателей услуг» выдают желаемое за действительное [12]. Программные документы партий декларативны, позволяют им всего лишь занимать «определенную нишу» в структуре и срезе общественно-политической мысли, а в реализации партийных намерений уверена лишь незначительная часть населения. Избранные по партийным спискам лица зачастую представляют собой наиболее слабо подготовленную часть депутатского корпуса, представителей которого отозвать из власти практически невозможно [13].

Поэтому если не принять меры к изменению порядка финансирования партий, борьбы с негативным влиянием на них политического рынка, партии потеряют какую-либо значимость в общественной жизни совсем, забыв о реализации социальных интересов членов российского общества.

Что, по мнению автора, необходимо сделать в первую очередь?

Прежде всего законодательно сделать партии *кадровыми*, с соответствующими признаками и предоставлением статуса *политических акционерных обществ* (ПАО), официально предоставляющих услуги определенного рода.

К этому добавим, что в дискуссиях, развернувшихся на страницах ярославских областных газет ещё в 2010–2011 гг., читатели прямо утверждали, что политические партии сегодня существуют «не для дела, а для вождей», что они – «сами по себе, а народ отдельно», представляют собой «трамплин для жуликов», стремящихся во власть. Поэтому некоторые состоят «на всякий случай» в нескольких партиях, являясь «партийными многоженцами». Через партийные структуры различного рода проходимцы стремятся попасть во власть не ради реализации социальных интересов, а ради собственной выгоды [14].

Прошедший в Ярославле в июне 2011 года Гражданский форум также отметил, что показатель партии – «реальный инструмент формирования власти и лоббирования общественных интересов» – был оценен в 2011 лишь в 4,35 балла, что на 1 балл ниже, чем в 2009 году [15]. Там же говорилось и о снижении с 2009 по 2011 год показателя «представительная власть создает законы, защищающие права и интересы избирателей» [16].

Подобное отношение к партиям формирует прежде всего явная закрытость внутривнутрипартийной жизни. Партии прячутся от населения. Практически нигде и никогда не бывает объявлений о том, что первичная организация такой-то улицы (деревни) такой-то партии проводит собрание по выдвижению делегатов на районную партконференцию с определением кандидатов во власть. Или аналогичное, но уже о районной партконференции и об областной конференции с приглашением или всех желающих, или хотя бы представителей от других партий, общественных организаций. Вместо этого на виду лишь явно показательные митинги или пикеты с нанятыми, скорее всего, участниками, да партийные рассуждения на ТВ. Таким образом, процессы формирования партийных органов, выдвижения кандидатов во власть внутри партий проводится скрытно, по принципу «тайной вечери», с уведомлением лишь тех, кого необходимо приглашать по действующему законодательству и только на региональную партконференцию.

Не исключено, что закрытость организации внутривнутрипартийной работы в низовых парторганизациях имеет веские причины. В частности, собрания и конференции в низо-

вых парторганизациях не проводятся умышленно: проводить их, с одной стороны, не выгодно, а с другой – просто не с кем. Проверили, например, в период избирательной кампании 2008 года в Ярославской области региональное отделение одной из политических партий, и оказалось: делегатов на областную конференцию по выдвижению кандидатов в депутаты областной думы не избирали, а просто назначили, естественно, тех, кто не будет задавать неудобных вопросов и знает, за кого и как голосовать. А в составе самих низовых парторганизаций оказалось много «мертвых душ»: кто-то «забыл», что он член партии, кто-то давно переехал, а кто-то и вовсе не вступал в партию [17].

Ещё одно подтверждение: в 2010–2011 гг. к автору неоднократно обращался его знакомый, член «массовой» партии, с жалобой такого рода: на учете в районной организации состоит около 150 членов партии. На собрания приходят 10–15 партийцев. Записывают же, что их на собрании было 85–90. «Таким образом, – возмущался знакомый автора, – изображается видимость партийной жизни!»

Не потому ли в России выражать протест против решений или бездействия власти выходят то автомобилисты, то рыболовы-любители, то матери, чьих детей невозможно устроить в детсад и т. д., но не представители партий? Из чего вновь напрашивается предположение: не фикция ли это – «массовые» политические партии России? А то, что называется партиями, прежде всего их региональными отделениями, – это всего лишь некие образования, представленные «партверхушкой» из начальников и переписанных ими подчиненных? Что означает: по своей сути партии в России давно стали кадровыми. И двигают во власть такие партии только начальников или их людей для представления в органах власти интересов, естественно, этих же начальников? Для принятия проплаченных законов, дележа бюджетных средств и т. д. Следовательно, пора закрепить официально то, что стало давно реальным в действительности.

Далее, для снижения негативного влияния на деятельность партий политического рынка при реализации социальных интересов имеет смысл *отменить и существующий порядок выделения партиям половины мест в законодательные органы власти по итогам выборов*. Эта норма абсолютно ничем не обоснована и просто надумана по своей сути. Поэтому ее необходимо заменить положением о том, что партия в зависимости от количества поданных за нее голосов может направить в законодательный орган власти на федеральном и региональном уровне не более трех-пяти своих представителей с возложением обязанности на последних вести соответствующую разъяснительную и организаторскую работу как среди депутатов, так и среди избирателей в интересах партии.

В этих условиях партии вынуждены будут искать себе специалистов для реальной работы по усилению партийного влияния среди лиц, избранных во власть. И не заниматься распродажей мандатов.

В дальнейшей перспективе необходимо ввести обязательно в период очередных выборов непосредственную *оценку итогов деятельности любого ранее избранного во власть лица по окончании срока полномочий* через соответствующую отметку в избирательном бюллетене при условии обязательного исключения его из кандидатов во власть и запрещения ему выдвигаться вновь, если число оценивших его деятельность «отрицательно» превышает число оценивших его деятельность «положительно». Ведь выборы по своей сути – это особый способ найма на работу. Тем более – во власть. И прямое отсутствие оценки итогов и качества работы всех без исключения избранных (нанятых) во властные структуры представляется более чем странным явлением. Всякие же рассуждения о каких-либо иных, не прямых, а косвенных оценках – это, по мнению автора, всего лишь способ уберечь проникших во власть бездельников, интеллектуально немощных и безнравственных лиц от ответственности.

И, конечно, нельзя не отметить серьезнейший недостаток Федерального закона «О политических партиях»: он никогда не стимулировал создание партий по социальным интересам (социальным группам).

Необходимость внесения такой нормы в упомянутый выше закон обусловлена огромным положительным историческим опытом создания таких представительных органов власти, которые уже по своему составу были нацелены на отстаивание интересов большинства социальных групп общества. Пример этому – земские соборы как высшие

сословно-представительные учреждения в России в середине XVI – конце XVII веков [18]. Напомним, что в их составе были представители многих социальных групп. В работе собора, например, 1613 года приняло участие даже несколько представителей черносошного крестьянства. Особо подчеркнем, что в результате деятельности земских соборов произошло объединение русских земель в единое государство. Историк В. О. Ключевский называл земские соборы «особым типом народного представительства, отличным от западных представительных собраний». Русский профессор С. Ф. Платонов определил земский собор как «совет всей земли», состоящий «из трех необходимых частей»: 1) «освященного собора русской церкви с митрополитом, позднее с патриархом во главе», 2) боярской думы, 3) «земских людей, представляющих собой различные группы населения и различные местности государства» [19].

К социальному представительству стремился и русский парламентаризм начала XX века. Так, например, сословный состав Думы 1906 года был следующим: 45,5% крестьяне, 36,7% дворяне, 5% рабочие. 109 депутатов были землевладельцами (21,9%), 120 – земледельцами (24%) [20].

В годы советской власти среди депутатов Верховного Совета СССР, например, 4-го созыва из 1347 депутатов было 318 рабочих, 220 крестьян, 809 представителей советской интеллигенции. А в Верховном Совете СССР 5-го созыва из 1378 депутатов по социальному положению свыше 60% всех избранных – рабочие и крестьяне, остальные – представители трудовой интеллигенции [21].

Таким образом, российская история свидетельствует: практически во все времена, особенно в наиболее сложные периоды жизни государства, предусматривалось, что социальные вопросы способны решать наиболее оптимально и с пользой для всего общества методами поиска совместных решений и компромиссов *только работающие во власти представители большинства социальных групп общества*.

Однако в современной России этот вопрос явно не находится в центре общественного внимания, реальных мер по обеспечению присутствия в структурах власти представителей большинства социальных групп не принимается. Политические же партии, которые якобы обязаны решать эти вопросы «по своему общественному положению», в реальности представляют собой структуры политического рынка, лишь изображающие реализацию социальных интересов на словах, но не на деле.

Ссылки / Reference

- [1] Федеральный Закон «О политических партиях»// Российская газета – 2001 –14 июля (С внесенными изменениями). – Ст. 3.
- [2] Выступление В.В. Жириновского от 16 февраля 2012 года на телеканале «Россия – 24». [Электронный ресурс] // <http://zhirinovskij-vs-mironov-rossiya-24-debaty-16022012> (дата обращения 22.01.2015).
- [3] Федеральный Закон «О политических партиях»// Российская газета – 2001 –14 июля (С внесенными изменениями). – Ст. 3.
- [4] Порывкин, В. Н. Организационно-партийная работа в современной российской политической партии: учебное пособие /В.Н. Порывкин; Яросл. филиал АОУ ВПО Ленинградск. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Ярославль, Аверс Плюс, 2011.116 с.
- [5] Сведения о деятельности наиболее активных политических партий в Ярославской области на 1 января 2014 г. // http://cfo.gov.ru/regions/YAR#_Точ391293600 (дата обращения 22.01.2015).
- [6] Корнилов В. И. Партия для дела или для вождя// Северный край – 2010 – 16 февраля. Сергеенко С. «Многоженцы» от партий; Федоров И. Трамплин для жуликов? // Северный край – 2010 – 3 марта
- [7] Инновационность и многоуровневый менеджмент в современном Российском обществе: всерос. науч.-практ. конф. (2011; Волгоград). Всероссийская научно-

- практическая конференция, 2011 г.: [материалы]. – Волгоград – М.: ООО «Планета», 2011. С. 209–215.
- [8] Сводные финансовые отчеты политических партий за 2012 год и информация ЦИК о результатах проверки // URL: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet_12.html (Дата обращения 1 апреля 2015 года)
- [9] Федеральный закон о внесении изменений в статью 33 федерального закона "О политических партиях" от 14 октября 2014 года [WWW-документ] // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_169744/ (дата обращения 22.01.2015).
- [10] Партии в Госдуме РФ станут получать из бюджета вдвое больше денег// <http://www.severinform.ru/index.php?page=newsfull&date=15-10-2014&newsid=219659> (дата обращения 22.01.2015)
- [11] Выступление губернатора Рязанской области О. Ковалева от 23 января 2010 года в программе «Постскриптум» на телеканале «ТВЦ». [Электронный ресурс] // http://www.tvci.ru/broadcast_all.aspx?vid=75ac76f0-7c88-444b-bd9b-029e6de58049 (дата обращения 22.01.2015).
- [12] Порывкин, В. Н. Организационно-партийная работа в современной российской политической партии: учебное пособие / В. Н. Порывкин; Рос. ассоциация полит. науки, Ярославское рег. отделение. – 2-е изд., перераб. и доп. – Ярославль, Аверс Плюс, 2013. 78 с.
- [13] Государство и общество: проблемы взаимодействия // Материалы международной научно-практической конференции. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2010. С.171.
- [14] Ваганова И. Вопросы у народа есть// Городские новости – 2008 – 29 октября; Порывкин В. Н. Политическая партия как кот в мешке // Северный край – 2010 – 20 января; Цветков А. И. Выполнять законы по существу// Северный край – 2010 – 20 января; Корнилов В. И. Партия для дела или для вождя// Северный край – 2010 – 16 февраля; Сергеенко С. «Многоженцы» от партий; Федоров И. Трамплин для жуликов?; Ибрагимов С. Нечего на зеркало пенять...// Северный край – 2010 – 3 марта; Ковалев В. В. Люди устали от пустых обещаний// Северный край – 2010 – 22 июня; Котова О. Партии сами по себе, народ - отдельно// Северный край – 2010 – 15 сентября; Мужчинин В. В. Зачем нам депутаты?// Северный край – 2011 – 17 марта.
- [15] Доклад «О состоянии гражданского общества в Ярославской области в 2010 году». – Общественная палата Ярославской области 2009–2012. Ярославль. С. 39.
- [16] Доклад «О состоянии гражданского общества в Ярославской области в 2010 году». – Общественная палата Ярославской области 2009–2012. Ярославль. С. 34.
- [17] Текущий архив Избирательной комиссии Ярославской области: информация Управления внутренних дел по Ярославской области (Исх. № 1/19-1-496 от 07.02.2008 г.); Постановление Избирательной комиссии Ярославской области от 11 февраля 2008 года №26\223-4 и от 1 марта 2008 года № 29/244-4.
- [18] Земские соборы//<http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/1081>
- [19] Платонов С. Ф. К Истории Московских Земских Соборов// <http://www.rus-sky.com/history/library/platonovs.htm>
- [20] Правовая основа формирования и деятельности Государственной думы начала XX века//<http://www.irbis.vegu.ru/repos/11133/HTML/18.htm>
- [21] Верховный совет СССР //7<http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1128301>

УДК 316.013

**Изучение имиджа города
как социологическая проблема**

Л. Д. Руденко, М. В. Афонин

*Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова*

E-mail: rudenko@uniyar.ac.ru

Научная статья

В статье анализируются этапы становления социологии города. Определяются понятие, функции и структура имиджа города. Представлены результаты авторского социологического исследования по изучению имиджа современного российского города (на примере г. Ярославля).

Ключевые слова: город, имидж города, социологическое исследование.

**The study of the city's image
as a sociological problem**

L. D. Rudenko, M. V. Afonin

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Scientific article

The article analyzes the stages of urban sociology development. The concept, functions and structure of the city's image are defined. The results of the author's sociological research of the modern Russian city image (on the example of Yaroslavl) are submitted.

Keywords: the city, image of the city, sociological research.

В связи с изменением облика современных городов предметом повышенного общественного внимания и научного анализа в конце 80-х гг. XX столетия в России стало понятие «имидж города». В рамках традиционных научных дисциплин – психологии, экономики, социологии, политологии – появляются специальные научно-практические сферы деятельности: теория и практика рекламы, public relations, имиджология и другие, основным предметом которых становится формирование образов, в том числе и социальных. Формируется образ человека, товара, организации, города.

Как отмечал Р. Парк, «город является естественной средой обитания цивилизованного человека... Город и городское окружение представляют собой наиболее состоятельную и в целом наиболее успешную попытку человека переделать мир по велению своего сердца. Однако это не только мир, сотворенный человеком, но и мир, в котором ему суждено жить. Город – это особая организация с типичной биографией, отдельные города обладают достаточным сходством, чтобы знание, полученное об одном городе, могло считаться (до некоторой степени) истинным и для других городов» [1].

Город является сложным и многомерным объектом научного исследования. Изучение его проблем находится в сфере интересов различных наук. Несмотря на пристальный интерес к проблематике города, в зарубежной и отечественной науке до сих пор нет общепринятого понятия города. Продолжается процесс накопления материала и его осмысление, а также пересмотр ранее сложившихся подходов, идей и теорий. Термин «город», который широко используется современной наукой, интегрирует множество понятий, охватывающих различные явления. В процессе оперирования данной категорией вызывает трудности наличие многочисленных, зачастую противоречивых определений города.

Поэтому в каждом конкретном случае необходимо выбирать то определение, которое наиболее соответствует целям и методам исследования.

Одна из первых попыток научного определения понятия «город» в XIX в. с учетом его качественных характеристик была предпринята Ф. Ратцелем, который определил город как «долговременное скопление людей и их жилищ, занимающее значительное пространство и расположенное в центре крупных коммуникаций» [2].

Согласно Л. Вирту, город характеризуется целым рядом черт, включающих утрату первичных отношений, ослабление социального контроля, прогрессирующее разделение

труда, усиление роли массовой коммуникации и склонность горожан относиться друг к другу инструментально [3]. Социологическое определение города дал М. Вебер. Город, по его мнению, – это такое большое поселение, где «взаимное личное знакомство друг с другом, отличающее соседскую связь ... отсутствует». Сравнивая город с сельской общиной, М. Вебер указывал на специфические свойства, характеризующие город. Среди них – занятость неземледельческим трудом основного населения, многосторонность промысла, наличие рынка, концентрация управленческих функций и т. д.

По определению Р. Мерфи, под городом обычно имеют в виду целостную территориальную единицу с высокой плотностью населения, значительным числом жителей. Н. А. Аитов рассматривает город как определенную пространственную форму организации жизни людей, социальную ячейку общества, которая охватывает все виды и этапы человеческой жизни. В теории структуризации Э. Гидденса город представлен как локальность – дифференцированное изнутри место действия, в котором разворачиваются социальные взаимодействия, имеющее определенные границы, которые помогают сконцентрировать взаимодействие тем или иным образом [4].

Ф. С. Файзуллин подходит к трактовке города как «социально-пространственной форме существования общества, сущность и особенности которой находятся в зависимости от уровня развития производительных сил и характера социально-экономических отношений» [5]. Б. С. Хорев определяет сущность города следующим образом: «город – это, прежде всего, населенный пункт, занятия большинства жителей которого не связаны непосредственно с сельским хозяйством и функции которого определяются его промышленным развитием или задачами обслуживания прилегающего района, развитием транспортных связей и т. д.» [6].

В работах Э. С. Демиденко город выступает как определенная организация сконцентрированной жизнедеятельности населения и многообразных условий обеспечения этой жизнедеятельности. В. Н. Лексин, А. Н. Швецов определяют город как «самый заметный компонент территориальной организации общества, демонстрирующий наивысшую степень концентрации людей, жилья, мест приложения труда и капитала». Привлекает своей емкостью определение города французского урбаниста П. Мерлена, который трактует его как центр связей, благодаря чему он становится местом концентрации и кооперации людей и их деятельности [7].

Термин «имидж» в российском лексиконе начал активно использоваться примерно с середины 90-х гг. XX в. в основном в политологической области, в контексте «имидж политика». Некоторые авторы считают правомерным утверждение, что имидж соотносим только с личностью, поэтому некорректно говорить об имидже каких-то неодушевленных предметов.

Понятие «имидж» в научной литературе не эксплицируется в качестве строгой категории, а выступает как сопутствующее понятие при изучении других социокультурных явлений. Его роль и место в социальной практике продолжает быть предметом дискуссий.

Имидж (image, англ.) в переводе на русский язык означает «образ», т. е. отражение какого-то объекта действительности в чувственной форме. Однако использование его в повседневной жизни людей более многозначно. В его содержание включается и понятийное знание, и эмоциональный отклик на объект, который является носителем того или иного имиджа. В литературе существует несколько определений имиджа.

В социологическом словаре «имидж – это целенаправленно формируемый образ (лица, явления, предмета), призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие в целях рекламы, популяризации, продвижения, как одно из средств пропаганды».

В. М. Шепель определяет имидж как индивидуальный облик, или ореол, создаваемый средствами массовой информации, социальной группой или собственными усилиями личности в целях привлечения к себе внимания.

Рассуждая логически, можно установить, что имидж города – это мнение о данном городе на основе его образа, возникшего у группы людей, его жителей, гостей, либо

на основе мнения людей, бывавших в этом городе; по сути, имидж города – это то, как он выглядит в глазах людей, это мнение людей о нем

Особенностью имиджа является то, что он представляет собой вторичную информационную структуру по отношению к воспринимаемому объекту. Как целенаправленно структурированный образ, он всегда носит оценочную и мотивационную нагрузку, благодаря чему оказывает большое влияние на поведение людей – носителей этого образа, на их отношение к реальным событиям, людям, городу, региону, стране в целом.

Имидж – это образ, целенаправленно создаваемый для того, чтобы произвести наиболее благоприятное впечатление в той или иной сфере, при тех или иных обстоятельствах. В качестве носителя такого образа могут выступать не только материальные объекты. Скорее всего, они окажутся уже известными в ходе предварительного знакомства с объектом (открытки, буклеты, сувениры) и поэтому отчужденными, повторяющимися или стандартными в глазах человека, который уже видел нечто подобное в других городах (все аэропорты, площади с памятниками, соборы чем-то похожи для человека, не ставящего специальных задач по изучению этих объектов); «немыми», без устного сопровождения, рассказа, легенды и т. п. Поэтому город – это люди, живущие в нем [8].

А. Бодалев [9] выделяет следующие функции имиджа города.

Во-первых, маркетинговую функцию, которая заключается в изучении городской среды.

Во-вторых, экономическую функцию. Обычно имидж города рассматривается как составляющая инвестиционной привлекательности этого города и региона, в котором он находится. Инвестиционная привлекательность региона – это та категория, на которую обычно ссылаются политики и бизнесмены в разговоре о перспективах и тенденциях развития определенной территории. Под инвестиционной привлекательностью, как правило, понимаются какие-то объективные факторы: географическое положение, наличие инфраструктуры, развитие бизнеса и пр. Но есть и субъективные факторы, которые при негативном раскладе сводят на нет все эти факторы (неблагоприятный имидж). Поскольку общее движение культуры последних десятилетий направлено к большей индивидуализации самых разных субъектов, то можно предположить, что в условиях конкуренции примерно равные по экономическим или демографическим показателям города будут сопоставлять именно по впечатлению, которое они производят, по воспоминаниям, ассоциациям, задаваемым образом города. Поэтому позитивный имидж города обязательно скажется на инвестиционных предпочтениях, а также социальной, культурной, политической сферах его жизни, становясь не только эстетической, но и экономической категорией. Среди целей, избранных многими городами Европы для своего стратегического планирования, на одном из первых мест находится именно имидж города. И происходит это именно из-за желания быстро привлечь инвестиции. Впечатления внешних инвесторов от общения с чиновниками, от состояния дорог и чистоты улиц, от магазинов и работы транспорта – любая, на первый взгляд, несущественная деталь может подтолкнуть их принять решение в пользу города или региона.

В-третьих, помимо чисто экономических функций, можно выделить социокультурные функции имиджа города. К ним относят создание целостного благоприятного впечатления; функцию связи истории и современной культуры; функцию облагораживания, эстетизацию (как для современников, так и для потомков); формирование духовно-ценностной атмосферы, своеобразного «духа» города. К социокультурным функциям также можно отнести и функцию создания образа достижимого будущего, к которому нужно двигаться в развитии города.

В-четвертых, можно выделить функцию «сделать город красивым». Эта функция, к сожалению, чаще всего предназначается так называемым «имиджевым застройкам». В них архитекторы выражают свое «я», конечно, в прекрасных зданиях, но город от этого становится каким-то непродуманным. Такого вида здания и сооружения должны

демонстрировать не только размах и состоятельность, но и нашу цивилизованность, нашу способность думать о том, как мы выйдем для других.

Таким образом, формирование имиджа города – важная задача, которую необходимо решать в условиях возрастающей конкуренции за все виды ресурсов. Особенно актуальным изучение имиджа города становится в условиях процессов субурбанизации [10]. По нашему мнению, главным ресурсом любого территориального образования является его население. Поэтому имидж города необходимо рассматривать в первую очередь как образ, воспринимаемый местными жителями, а главной целью управления системой формирования имиджа города должно стать создание положительной

Специалистами выявлены следующие параметры, определяющие имидж города: качество жизни; кадровые ресурсы; инфраструктура; технологии и инновации; капитал; условия для ведения бизнеса; деятельность властных структур [11].

Учитывая сказанное, мы выделяем следующие слагаемые имиджа города (его внутреннюю составляющую), которые стали основой для проведения социологического исследования:

комфортность проживания (позиционирование места проживания относительно центра, наличие транспортной инфраструктуры, возможности для отдыха и релаксации и т. п.);

качество жизни (качество окружающей среды, стоимость жизни, состояние и политика здравоохранения);

условия безопасности экономической, экологической, информационной;

возможности для самореализации и самоидентификации в городском пространстве (участие в образовательных процессах, местном самоуправлении, ощущение того, что проблемы горожан понимаются теми, кто этим городом руководит).

В предыдущем нашем исследовании мы выяснили, что Ярославль имеет свои особенности в части образа [12]. С целью определения сформировавшегося имиджа г. Ярославля было проведено социологическое исследование. Основными задачами выступили: изучить характеристики города на основе впечатлений респондентов от него; выяснить мнение горожан о состоянии инфраструктуры города; изучить степень участия горожан в местном самоуправлении.

Основная гипотеза исследования: неразвитость социальных организаций и низкий уровень участия граждан в местном самоуправлении влечет за собой формирование негативного имиджа города.

Метод исследования – индивидуальный анкетный опрос.

Выбор данного метода обуславливается тем, что анкетные опросы широко применяются для получения информации о фактическом положении вещей в изучаемой области, их оценке, о мнениях, интересах и мотивах деятельности респондентов. Также большим преимуществом анкетного опроса является небольшая стоимость его проведения. Использование стандартных опросных процедур и однородных количественных показателей при соблюдении определенных условий позволяет проверять гипотезы о причинных зависимостях.

Для изучения имиджа г. Ярославля мы использовали анкету, состоящую из 17 вопросов, из которых 4 вопроса направлены на определение социально-демографических характеристик респондентов. В анкете были предложены открытые и закрытые вопросы. Количество респондентов составило 175 человек. В данном исследовании принимали участие представители студенческой молодежи, т. к. эта группа является наиболее активной в социальной, политической, экономической и культурной сферах.

Для начала представим социально-демографические характеристики респондентов. Среди респондентов разделение по половой характеристике составило: мужчин – 48%, женщин – 52%.

На вопрос «Укажите Вашу национальность» 88% респондентов указало «русский»; 12% указало другую национальность.

Далее респондентам были предложены вопросы, непосредственно связанные с их мнением об имидже г. Ярославля.

Анализируя ответы на первый вопрос, мы выяснили, что большинство респондентов (48%) живет в Ярославле с рождения. Также многочисленной является доля респондентов, живущих в городе со студенческих лет. Исходя из этого, можно говорить о том, что в Ярославле развита система высшего образования.

Далее, в ходе исследования, респонденты отвечали на вопрос: «В каком районе города Ярославль Вы проживаете?». Из ответов видно, что большая часть опрошиваемых проживает в Заволжском и Кировском районах.

Респондентам было предложено выделить более предпочтительный для них район города. Из ответов на данный вопрос видно, что подавляющее большинство отвечавших (68%) выделяют Кировский район, как более предпочтительный для них. Это обуславливается тем, что Кировский район является историческим центром города. Также Кировский район является центром торговли и развлечений г. Ярославля. Следующее место занимает Заволжский район. Его отметили 14% опрошиваемых. Это может быть следствием того, что большинство респондентов проживают в данном районе. Следующим идет Ленинский район, 10% опрошенных выделяют его как наиболее предпочтительный. Это вполне объяснимо, т.к. Ленинский район является центральным районом города. Дзержинский район предпочитают 6% респондентов. Предпочтение Фрунзенскому району отдали всего лишь 2%, несмотря на большое количество торговых и развлекательных центров в данном районе. Красноперекопский район не был отмечен ни одним респондентом.

Следующим был вопрос: «Хотели бы Вы переехать в другой город России?». Ответы разделились поровну, между вариантами «Да» и «Нет».

В следующем вопросе респондентам было предложено в нескольких словах описать свое нынешнее впечатление от города. Судя по ответам, можно выделить три наиболее популярных впечатления от города среди респондентов. Самый популярный вариант – «красивый». Совсем незначительно в процентном соотношении отстает вариант «грязный». Это вполне закономерно. Ярославль – это старинный город с множеством замечательных храмов, церквей и других достопримечательностей. В то же время характеристика «грязный» и «неухаженный» город указывает на неэффективную работу городских служб. Большое количество респондентов выделяют провинциальность города, что характерно для города такого типа и размера. Также многие из опрошенных высказали недовольство состоянием дорог. В целом можно сказать, что негативных впечатлений от города указано больше, чем положительных.

Далее, в шестом вопросе, была представлена таблица, где предлагалось оценить город по отдельным определениям. Полученные данные представлены ниже.

При определении «красоты» 96% респондентов определили город как красивый.

При определении «озелененности» 74% сочли город достаточно озелененным, 24% не определились с ответом, 2% недовольны степенью озелененности.

При определении «старинности» города 94% считают город старинным.

При определении «уникальности» 74% считают город уникальным, 22% имеют неопределенное отношение, 4% не считают город уникальным.

При определении «открытости» 70% считают город открытым, 26% не смогли определиться, 4% считают Ярославль закрытым городом.

При определении «спокойствия» мнения разделились: 36% считают город спокойным, 28% считают город не спокойным, 36% не определились.

При определении «примитивности» 39% не считают Ярославль примитивным, 14% полагают, что город примитивный, 47% не смогли определиться.

При определении «уютности» 74% считают город уютным, лишь 2% считают Ярославль не уютным, неопределенное отношение высказали 24%.

При определении «чистоты» 50% считают город грязным, 18% считают Ярославль чистым, не смогли определиться 32%.

Оценивая «транспортное обеспечение», 40% считают транспортное обеспечение города удовлетворительным, 32% считают плохим транспортное обеспечение Ярославля, 28% имеют неопределенное отношение.

Определяя «степень деловой активности», 55% считают её положительной, 18% ответили, что степень деловой активности носит отрицательный характер, 27% не смогли определиться.

При определении «естественности» 56% считают город естественным, 10% не считают его естественным, 34% имеют неопределенное отношение.

При определении «модности» 44% считают Ярославль модным, 20% считают Ярославль не модным, 36% не определились с ответом.

При оценке «безопасности» 12% считают Ярославль очень опасным, 20% считают его опасным, 26% уверены в том, что Ярославль безопасный город, 42% не определились.

Подводя итог, можно сказать, что оценка респондентами города по вышеперечисленным определениям не является однозначной, что указывает на отсутствие четкого образа г. Ярославля.

Далее респондентам был задан вопрос «Участвуете ли Вы в местном самоуправлении?». Анализируя ответы (96% респондентов не участвуют), можно сделать вывод, что такое низкое участие граждан в местном самоуправлении ведет к оторванности властных структур от реальных проблем города и свидетельствует об отсутствии прогресса в решения существующих проблем.

В следующем вопросе мы попросили респондентов оценить по 5-бальной шкале состояние здравоохранения в городе. Преобладающей оценкой является «удовлетворительно». Следовательно, отсутствие желаемого уровня здравоохранения может вести к повышению общей социальной напряженности, а также к снижению уровню здоровья граждан.

При помощи следующего вопроса мы выяснили, находят ли понимание проблемы горожан у руководства города. Исходя из ответов на данный вопрос, можно сделать следующий вывод: проблемы горожан не находят понимания у руководства города. Также укажем на то, что значительная часть респондентов даже не знают, находят ли понимание их проблемы у руководства города. Все это обуславливается низким уровнем участия населения в местном самоуправлении. Обнадуживает тот факт, что проблемы 24% опрошенных все же находят понимание у руководства города или у них отсутствует опыт обращения в органы местной власти.

Далее мы попросили респондентов оценить стоимость жизни в г. Ярославле. Ответы показали, что в основном стоимость жизни определяется как «средняя» и «высокая». Хотелось бы заметить, что на самом деле стоимость жизни в г. Ярославле превышает среднюю стоимость жизни в центральной России.

В ходе исследования мы предложили респондентам оценить по 5-балльной шкале имеющиеся в Вашем городе возможности для отдыха. Преобладающей оценкой является «удовлетворительно», что говорит о среднем уровне развития досуговой сферы г. Ярославля.

Символика города – это герб, гимн и флаг города, это стиль работы его властных структур. При изучении имиджа города необходимо учитывать эти факторы, поэтому мы предложили респондентам описать герб и флаг г. Ярославля.

Почти все респонденты смогли описать герб г. Ярославля, и это объяснимо. Медведь, как символ Ярославля, часто встречается в городе, а также на различной сувенирной продукции. А вот с определением цвета флага респонденты не смогли прийти к единому мнению. Это свидетельствует о недостаточном уровне знаний о символике города.

Последним в анкете был вопрос: «В каком городе России Вы хотели бы жить?». Большинство респондентов хотели бы жить в Ярославле, но это большинство не является подавляющим. К тому же в Ярославле с рождения живет 48% респондентов, а хотели бы жить 36%, это указывает на желание коренного населения сменить город проживания.

Подводя итоги исследования, можно сказать, что имидж г. Ярославля не является сформированным. Респонденты неоднозначно характеризуют город по отдельным определениям. Также мы выяснили, что большинство респондентов недовольны политикой, проводимой местными властями, и считают, что проблемы горожан не находят понимания у руководства города. Одной из причин такого восприятия города ярославцами является низкий уровень их участия в местном самоуправлении.

Ссылки / Reference

- [1] Парк Р. Э. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2008. Т. 2. № 3. С. 1–10.
- [2] Ратцель Ф. Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М., 2001. С. 250.
- [3] Вирт Л. Городское сообщество и цивилизация // Личность. Культура. Общество. М., 2006. Т. 8, № 2. С. 21–32.
- [4] Гиденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации. М., 2003. С. 499.
- [5] Файзуллин Ф. С. Социологические проблемы города. Саратов, 1991. С. 104.
- [6] Хорев Б. С. Проблемы городов. М., 1995. С. 312.
- [7] Мерлен П. Город. Количественные методы изучения. М, 1977. С. 38.
- [8] Быстрова Т. Ю. Пути и следствия формирования позитивного имиджа города. URL: // <http://www.uralweb.ru> (дата обращения: 20.08.2012).
- [9] Бодалев А. А. Имиджелогия – это серьезно // Материалы международной конференции «Психология общения: социокультурный анализ». Ростов-на-Дону, 2003. С. 31–34.
- [10] Шашерин Э. В., Афонин М. В. Специфика современных социальных процессов субурбанизации // Вестник социально-политических наук. 2012. Вып. 11. С. 125.
- [11] Орлова Т. М. Коммуникационный менеджмент и управление экономическими системами. М., 2002. С. 96.
- [12] Руденко Л. Д. Актуальные вопросы исследования городской среды в современной социологии // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 4. С. 112.

УДК 811

Актуальные проблемы сопоставительных исследований в современной лингвистике¹

И. А. Стернин, М. А. Стернина

Воронежский государственный университет

E-mail: sterninia@mail.ru

Научная статья

В статье рассматриваются проблемы типологии сопоставительных исследований в современной лингвистике. Рассматриваются межъязыковое и внутриязыковое сопоставление.

Ключевые слова: метод сопоставления, сопоставительная лингвистика, контрастная лингвистика.

Actual problems of comparative linguistics

I. A. Sternin, M. A. Sternina

Voronezh State University

Scientific article

The problem of typology of linguistic comparative studies is studied. Interlingual and intralingual studies are discussed.

Keywords: method of comparison, comparative linguistics, contrastive linguistics.

*Других машин не знаешь,
«Запорожец» – вот такая машина!*

М. Жванецкий

Контакт есть понимание различий.

Тейяр де Шарден

Сопоставительные исследования в лингвистике имеют многовековую историю, они достаточно широко проводятся на материале разных языков, но до настоящего времени сопоставительные методы не систематизированы. Можно утверждать, что назрела необходимость теоретического осмысления сопоставительных методик и выявления потенциала сопоставительного метода и его разновидностей.

Необходимо отметить, что сопоставление – общенаучный метод исследований, наряду с логическим анализом, обобщением, описанием и др. Очевидно, что в общенаучном плане систематизация сопоставительных методик разных наук невозможна, да и не имеет смысла. Но в рамках определенной науки такая систематизация возможна и необходима. Важно установить, что можно сравнивать, какие могут существовать основания для сравнения, для каких целей может использоваться метод сравнения и что он может дать для решения проблем соответствующей науки.

Сопоставление (синоним – сравнение), очевидно, есть одно из базовых свойств абстрактного мышления человека, способ познания действительности и дифференциации сходных объектов и явлений. Само разнообразие мира обуславливает постоянное сопоставление человеческим сознанием различных явлений.

Многие вещи, особенно в ментальной сфере, в сфере традиций и привычек народа, общественных институтов могут быть поняты только при сопоставлении – необходимо

¹Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00250 «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка (проблема теоретического и лексикографического описания)».

© Стернин И. А., 2015

© Стернина М. А., 2015

обнаружить в том или ином объекте нечто отличающееся от привычного нам объекта, чтобы осознать, что в привычном для нас объекте есть некоторые признаки, качества, свойства или, наоборот, понять, что в нем нет тех или иных признаков, качеств, свойств.

Например, чтобы понять, что воздух в городе далек от свежести (а это житель мегаполиса, всю жизнь живущий в городе, может и не осознавать), нужно хотя бы раз оказаться вне мегаполиса, например, в деревне или в горах, и подышать деревенским или горным воздухом. Кстати, жители деревни, если они не имеют опыта жизни в городе, также не видят в своем воздухе в деревне ничего особенного – обычный воздух, навозом пахнет; им надо реально почувствовать воздух города, чтобы оценить качество своего воздуха.

Рассмотрим некоторые важные аспекты применения сопоставительных методов в лингвистике, тем более что в последнее время наблюдается значительный рост интереса к сопоставительным исследованиям.

Этот интерес, как представляется, связан со следующими причинами:

- потребностью выявления универсальных черт языкового материала;
- стремлением описать национальную картину мира носителей разных языков;
- необходимостью совершенствования двуязычных словарей, где указываются национально-специфические черты семантики переводных соответствий;
- интересом к изучению национальной специфики семантики и изучением национальной специфики языкового мышления;
- расширением сферы преподавания иностранных языков;
- повышением интереса к языковому сознанию носителей языка и стремлением описать групповые, социальные, гендерные, возрастные и др. особенности языка и др.

В области сопоставительных исследований в лингвистике наблюдается углубляющаяся дифференциация различных направлений.

В целом наука о сопоставлении языков возникла в глубокой древности, как только люди столкнулись с потребностью объясняться с носителями других языков. Межъязыковое сопоставление – первое сопоставительное направление в лингвистике.

Первыми исследователями, занимавшимися сопоставлением языков, были составители переводных словарей, которые вынуждены были, руководствуясь своим практическим знанием, подбирать соответствия словам иностранного языка в своем родном языке [1]. Каких-либо методов сопоставления языков в этот период, конечно, не было. Да и самого понятия *метод сопоставления языков* в науке долго не существовало.

Первым лингвистическим направлением, поставившем сопоставление на научную основу, явилось сравнительно-историческое языкознание, зародившееся в Германии в начале XIX века и связанное с именами Ф. Боппа и Я. Гримма, а также с именами датского лингвиста Р. Раска и А. Х. Востокова в России.

«Сравнение может применяться для достижения двух различных целей: чтобы обнаружить общие закономерности или чтобы добыть исторические сведения», – писал А. Мейе [2; с. 11]. Сравнительно-историческое языкознание представляет собой область языкознания, объектом которой является установление соотношения между родственными языками и описание их эволюции во времени и пространстве, реконструкция праязыка.

Для сравнительных языковедов конца XIX – начала XX в. «праязык» постепенно становится уже не искомым, а техническим средством изучения реально существующих языков, некой гипотетической моделью, к которой апеллирует лингвист в процессе сравнительно-исторического исследования.

Сравнительно-историческое языкознание изучает отдельные факты и явления родственных языков в истории и развитии каждого из этих языков. Целью и методом сравнительно-исторического языкознания является реконструкция древнейших праформ, общих для всех изучаемых родственных языков.

Другим лингвистическим направлением, связанным с сопоставлением языков, является *лингвистическая типология*, зародившаяся в рамках сравнительно-исторического языкознания в первой половине XIX века и связанная с именами А. Шлегеля, А. Шлейхера, В. Гумбольдта.

Типологические исследования имеют целью установление по тем или иным признакам общих типов языков мира.

Романтики впервые поставили вопрос о «типе языка». Они считали, что «дух народа» может проявляться в мифах, в искусстве, в литературе и в языке. Отсюда делался вывод, что через язык можно познать «дух народа». Ф. Шлегель сопоставил санскрит с греческим, латинским, а также с тюркскими языками. В результате исследований Ф. Шлегель пришёл к выводу о том, что существует два типа языков: флективные и аффиксирующие. Флективным языкам свойственно богатство, прочность и долговечность, а аффиксирующим свойственны бедность, скудость и искусственность.

А. Шлейхер переработал типологическую классификацию языков Ф. Шлегеля, в результате чего к уже имеющимся двум типам (флективный и аффиксирующий) добавился третий тип – аморфный. Во флективных языках он показал две тенденции развития грамматического строя: синтетическую и аналитическую.

Наиболее известной в современном языкознании стала морфологическая классификация языков по структуре корня (флективные, агглютинирующие, изолирующие, полисинтетические). Существуют также синтаксические типологии – по структуре предложения, фонетическая типология, а также попытки лексической и семантической типологии. Типология языков на лексическом уровне оказалась невозможной или крайне малосодержательной.

Типологические исследования носят теоретический характер и направлены на установление общих типов языков мира по тем или иным признакам.

В лингвистике XX века на базе лингвистических типологических исследований возникла так называемая *лингвистика универсалий* – еще одно направление, связанное с сопоставлением языков.

Теория языковых универсалий рассматривает и выявляет:

- 1) общие свойства всех человеческих языков в отличие от языков животных;
- 2) совокупность содержательных категорий, теми или иными средствами выражающихся в каждом языке;
- 3) общие свойства самих языковых структур, относящиеся ко всем языковым уровням.

Универсалии языка выводятся из сравнения многих языковых систем.

Лингвистика универсалий – теоретическое направление, изучающее (в идеале) все языки мира, как родственные, так и неродственные, с целью выявления языковых явлений, встречающихся во всех языках. Данное лингвистическое направление вносит важный вклад в выяснение природы человеческого языка, его механизма, т. е. в решение задач теории языка. Лингвистика универсалий выявляет общность языков, оставляя в стороне их национальную специфику.

Вторая половина XX века характеризуется подробными исследованиями в области языка как организованной системы.

Системно-структурное языкознание, исходящее из теории языка как системы, «в которой нет ничего, кроме различий» (Ф. де Соссюр), привело к возникновению структурализма, который на основе сопоставления языковых явлений выстраивает описание языка как жесткое противопоставление единиц по дифференциальным признакам. Это приводит к построению фонологии на базе понятия дифференциального признака фонемы, структурной морфологии и синтаксиса, построенных на понятии парадигмы.

Значение было описано как совокупность интегральных и дифференциальных сем, в семасиологии в середине прошлого века был открыт оппозитивный компонентный анализ, который оказался эффективным способом описания смыслового содержания языковых единиц и применяется до сих пор.

Научные изыскания в системном языкознании XX века приводят к открытию полевого подхода к языку (Й. Трир, Л. Вайсгербер, Г. Ипсен, О. Духачек, Р. Мейер, Г. Шпербер, Г. Ипсен, М. М. Покровский, В. В. Виноградов, А. А. Уфимцева, А. И. Кузнецова, Л. М. Васильев, А. В. Бондарко, В. Н. Адмони и др.).

В системной лингвистике были выявлены лексические группировки разного типа, образующие общую систему языка – лексико-семантические поля, ЛСГ, тематические группы, ассоциативные поля, синонимические ряды, антонимические пары и др. типы лексических группировок.

Все это подготовило почву для возникновения *сопоставительного языкознания* – лингвистического направления, призванного изучить одноимённые языковые микросистемы (поля) в разных языках. Изучению подвергаются любые языки, как родственные, так и не родственные. Исследование в рамках данного направления проводится на любом этапе исторического развития изучаемых языков: сравнивать можно как современные языки, так и языки на прошедших этапах исторического развития (например, русский и немецкий языки XVII века и под.).

Цель сопоставительного исследования – обнаружение сходств и различий языковых подсистем разных языков; при этом одноимённые подсистемы сравниваемых языков изучаются и описываются автономно (например, глаголы движения в русском и английском, выражение уступительных отношений в немецком и французском, наименования одежды в польском и болгарском и т. д.), а затем результаты описания подвергаются сравнению. В рамках сопоставительной лингвистики выясняется общее и различное в наборе и количестве единиц, составляющих ту или иную подсистему, устанавливается специфика системной организации микросистемы в изучаемых языках, выявляется ядро и периферия подсистем в сравниваемых языках.

А. Гудавичюс даёт определение сопоставительному языкознанию следующим образом: «...изучение двух или более языков методом сравнения их друг с другом. При таком подходе для исследователя одинаково важны и различия, и сходства» [3; с. 3]. В своей книге «Сопоставительная семасиология литовского и русского языков» (1985) А. Гудавичюс определяет изучаемую науку «... как науку, изучающую лексические системы двух или более языков методом сопоставления их друг с другом» [3; с. 4]. Эту точку зрения разделяет и Р. А. Будагов: «... не только сходства, но и несходства особенно существенны и интересны для изучения словосочетаний в сравнительно-сопоставительном плане» [4; с. 19].

Книга А. Гудавичюса посвящена сопоставительной семасиологии, которая определяется следующим образом: «Сопоставительную семасиологию мы будем понимать как науку, изучающую лексические системы (выд. нами – И. С.) двух или более языков методом сопоставления их друг с другом. Таким образом, сопоставительная семасиология наряду с решением специфических вопросов самого сопоставительного метода включает всю проблематику описательной семасиологии конкретного языка» [3; с. 4]. А. Гудавичюс отмечает, что сопоставительные исследования являются первым этапом лингвистической типологии [3; с. 5].

Часто исследователи, работающие в рамках сопоставительного метода, указывают на возможность практического применения результатов их исследования в преподавании соответствующих языков. При этом данное направление по существу остается преимущественно теоретическим, поскольку практическое применение результатов автономного сопоставительного описания одноимённых подсистем двух языков не может быть непосредственно использовано в практике преподавания. В рамках сопоставительной лингвистики выясняется общее и различное в наборе и количестве единиц, составляющих ту или иную подсистему, устанавливается специфика организации одноимённых микросистем в изучаемых языках, выявляется ядро и периферия подсистемы. Но практику преподавания не интересует сама системная организация микросистем, иерархия единиц, так как все это не является предметом практического обучения языку.

Сопоставительное описание микросистем может дать материал для преподавателя иностранного языка, но преподаватель не может использовать результаты сопоставительного описания языков в преподавании непосредственно, так как в процессе обучения используются не лексические системы в целом, а их отдельные элементы в зависимости от целей и задач данного этапа обучения. Для использования результатов сопоставительного анализа языков преподаватель должен полученный

сопоставительный материал осмыслить, расчленив и подать в удобной для обучения форме. Таким образом, сопоставительное языкознание – преимущественно теоретическое направление в лингвистике.

Конец XX века ознаменовался выделением из сопоставительного языкознания контрастивной лингвистики как отдельного направления.

Контрастивная лингвистика развивается с 60-х гг. прошлого века, а обособляется в отдельное лингвистическое направление в последней четверти XX века.

Контрастивные исследования практически всегда тесно связаны с задачами преподавания иностранных языков. Д. Болинджер писал по этому поводу: «Контрастивная лингвистика родилась из опыта преподавания. Каждый преподаватель иностранного языка знает и каждый изучающий иностранный язык скоро обнаруживает, что родной язык мешает в определённых и предсказуемых случаях усвоению второго языка» (Цит. по: [1, с. 4]).

Историки языкознания высказывают мнение, что точкой отсчёта развития контрастивных исследований явилась публикация работы Роберта Ладо в 1957 году «Лингвистика сквозь призму культур». Работа основана на идее Ч. Фриза, который писал: «Наиболее эффективны те материалы, которые основаны на научном описании изучаемого языка с тщательным сравнением с результатами параллельного описания родного языка учащегося» [5; с. 9].

Тесная связь контрастивных исследований с задачами преподавания иностранных языков отчасти объясняется тем, что первые наблюдения и исследования сходств и различий между языками в контрастивном плане были подчинены задачам прикладного характера. Необходимость контрастивных исследований на лексическом уровне обусловлена остротой проблемы, связанной с явлением интерференции в лингводидактике и переводе.

Обособлению контрастивной лингвистики от сопоставительного языкознания способствовало проведение специальных конференций, посвящённых контрастивным исследованиям (первая конференция проходила в Джорджтауне, США, 1968), проблематика контрастивной лингвистики включена в программу международных лингвистических конгрессов с 1972 года; в настоящее время «...было бы неоправданно ... отрицать наличие контрастивных исследований как теоретического направления в составе лингвистических дисциплин, получившего при своём вычленении самостоятельный объект для исследования» [1; с. 40].

Существуют разные точки зрения на целесообразность терминологического разграничения сопоставительной и контрастивной лингвистики. В. Н. Ярцева употребляет термины «сопоставительная лингвистика» и «контрастивная лингвистика» как синонимы. В. Н. Ярцева подчёркивает, что второму термину отдаётся предпочтение из-за его большей традиционности и выделения несходных (контрастивных) черт [1]. Говоря о контрастивной лексикологии, В. Н. Ярцева указывает, что «двуязычные словари всегда содержат в зародышевом виде контрастивное сравнение лексических единиц» [1; с. 30], однако развитие теории поля и методики компонентного анализа создаёт новую основу для контрастивной лексикологии.

В. М. Мокиенко считает подобное разграничение весьма существенным, «ибо первый термин подчёркивает направленность прежде всего на дифференциальные особенности сопоставляемых языков, а второй – на сам процесс сопоставления, для которого важны как межъязыковые различия, так и сходства. Для советского языкознания ... более характерен второй тип сопоставительных исследований» [6].

А. Гудавичюс разграничивал понятия контрастивного и сопоставительного языкознания. Он подчёркивает, что контрастивный анализ ограничивается двумя языками. Он имеет главным образом прикладные цели, среди которых выделяются лингводидактические. «Разновидностью контрастивных исследований является изучение одного языка «в зеркале» другого...» [3; с. 4]. Таким образом, изучается определённый язык и, причём, те его особенности, которыми он может отличаться от исходного языка, как правило, родного.

Мы полагаем, что терминологическое выделение контрастивной лингвистики в современном языкознании необходимо, поскольку контрастивная лингвистика имеет свою особую цель изучения языков – выявление различий, свой метод изучения языка – от факта родного языка к фактам иностранного, и свое практическое применение в практике преподавания иностранных языков. Все это свидетельствует в пользу признания контрастивного направления особым направлением в лингвистике.

Наибольший фактический материал накоплен в настоящее время в рамках сопоставительной лингвистики, контрастивные же исследования получили еще недостаточное распространение, они только начинают развиваться.

Отметим, что с конца 80-х гг. прошлого века количество работ теоретического плана по сопоставительной и контрастивной лингвистике значительно сократилось, хотя практические исследования продолжают, защищаются диссертации сопоставительного, типологического, контрастивного плана. Недостатка в сопоставительном языковом материале сейчас в лингвистике нет, но остается необходимость в теоретическом обобщении выявленных закономерностей и уточнении метода исследования (последнее позволит осуществить надежное сопоставление материалов, полученных разными исследователями). При этом именно контрастивное описание языка как прикладное лингвистическое направление ждет от исследователей активной практической разработки.

Внутриязыковое сопоставление – более позднее лингвистическое направление. Начавшись в рамках структурного описания языка (дифференциальные признаки, компонентный анализ), оно в дальнейшем стало разрабатываться в связи с антропоцентризмом, психолингвистикой, установленным фактом неоднородности языка в сознании человека, попыткой описать ментальные различия различных групп носителей языка.

За последние несколько лет в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы сложился новый метод лингвистических исследований, получивший сначала название *параметрического*, а затем – *сопоставительно-параметрического*. Суть данного метода заключается в разработке и использовании формализованных параметров описания языков, концептосфер и их национальной специфики. Характеристика того или иного языкового или когнитивного явления в рамках соответствующего параметра выражается в виде определенного индекса, представленного в численной форме. Сопоставление одноименных индексов в разных языках и концептосферах дает возможность сделать вывод о наличии или отсутствии национальной специфики по данному параметру, а также о степени ее проявления.

Сопоставительно-параметрический метод лингвистического исследования ориентирован на формализацию сопоставления языков и внутриязыковых категорий и расширение на этой базе возможностей сравнительного описания языков и отдельных языковых явлений как в межъязыковом, так и во внутриязыковом плане.

В обобщающей монографии «Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований» (Воронеж, 2014) М. А. Стерниной охарактеризованы основные этапы и содержание данного метода, приведены основные результаты, полученные к сегодняшнему дню [7].

Выделены следующие возможности сопоставительно-параметрического метода:

- использование сопоставительно-параметрического метода для изучения лексических группировок, семантем, сем;
- использование сопоставительно-параметрического метода для изучения концептов;
- использование сопоставительно-параметрического метода для выявления национальной специфики текстов перевода и оригинала;
- использование сопоставительно-параметрического метода при контрастивных исследованиях.

Показаны возможности применения сопоставительно-параметрического метода для создания семантической типологии лексических группировок, семантем слов, семантической типологии семем.

Приводится алфавитный указатель формализованных индексов, разработанных в рамках сопоставительно-параметрического метода, а также разработанные шкалы для интерпретации результатов исследований в рамках сопоставительно-параметрического метода.

Подведем некоторые итоги.

Сопоставление – это общенаучный метод, который в каждой конкретной науке и в каждом отдельном направлении научных исследований имеет свою специфику и свои возможности.

В лингвистических исследованиях различают межъязыковое и внутриязыковое сравнение.

На межъязыковом сравнении языков основаны три вида методов – сравнительно-исторический, типологический и сопоставительный. Сюда же следует отнести и контрастивную лингвистику. Они существенно отличаются друг от друга по целям и назначению, по материалу исследования и границам применения.

Таким образом, *межъязыковое сопоставление* дает возможность выявить:

- структурные различия языков;
- системные различия групп и подгрупп, частей речи, различие номинативных полей языков;
- национальную специфику семантики;
- лингвокультурные особенности языков;
- когнитивные различия сознания народов.

Межъязыковое сопоставление дает материал для создания типологии языков, в том числе семантической.

При *внутриязыковом сопоставлении* изучаются категории и явления одного и того же языка:

- групповые различия языковых явлений (территориальная, социальная, гендерная, возрастная и др. дифференциация);
- различие системных и несистемных значений и употреблений;
- различия семантики языковых единиц в парадигмах (компонентный анализ);
- дифференциальное толкование синонимов и симиляров и др.

Активно развивающаяся антропоцентрическая парадигма изучения языка стимулирует развитие сопоставительных исследований, как межъязыковых, так и внутриязыковых.

Ссылки / Reference

- [1] Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика. М., 1981. – 111 с.
- [2] Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М.: Наука, 1954. – 100 с.
- [3] Гудавичюс А. Сопоставительная семасиология литовского и русского языков. Вильнюс, 1985.
- [4] Будагов Р. А. Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки). М., 1963. – 302 с.
- [5] Fries Ch. Teaching and learning English as a foreign language. Ann Arbor, 1945.
- [6] Мокиенко В. М. Сопоставление в теории и практике преподавания русского языка как иностранного // Русский язык за рубежом. 1987. №5. – С. 54–60
- [7] Стернина М. А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. Воронеж: Истоки, 2014. – 114 с.

УДК 372.881.161.1

Готовность студентов гуманитарных специальностей к созданию и использованию научного текста в реальной учебно-речевой ситуации

Н. М. Черненко

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

E-mail: fielika@mail.ru

Научная статья

Проблема исследования позволила определить базовые понятия для программы исследования: что такое «научный текст», научный функциональный стиль, какие требования предъявляются к отбору материала и оформлению текста информатики; данные констатирующего эксперимента позволили сделать вывод о востребованности понятия «научный текст» в практических опытах студентов гуманитарных специальностей, о недостаточном уровне сформированности основных текстовых умений первокурсников, о недостаточной их ориентированности в профессиональном информационном контексте.

Ключевые слова: анализ письменных текстов-образцов; индивидуальный и коллективный риторический анализ текстов-образцов; редактирование научного текста; оформление схематических рисунков, таблиц; создание собственных высказываний на заданную тему; web-сайт; html-страничка

Readiness of students of humanitarian specialties for creation and use of the scientific text in a real educational speech situation

N. M. Chernenko

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky

Scientific article

The research problem has allowed to define base concepts for the research program: what is «the scientific text», the scientific functional style, what requirements are shown to selection of a material and text registration; data of ascertaining experiment have allowed to draw a conclusion on a concept demand «the scientific text» in practical experiences of students of humanitarian specialties, about insufficient level of formation of the basic text abilities of first-year students, about their insufficient orientation in a professional information context.

Keywords: the analysis of written texts-samples; the individual and collective rhetorical analysis of texts-samples; editing of the scientific text; registration of schematic drawings, tables; creation of own statements on the set theme, web-site; html-page.

Изучение русского языка студентами гуманитарных специальностей имеет практическую направленность, оно должно обеспечить различные формы коммуникации на русском языке как в период обучения в вузе, так и после его окончания.

Прагматические цели изучения языка обуславливают практическую, коммуникативную ориентированность и всего процесса обучения на основе всестороннего исследования коммуникативных потребностей учащихся и могут рассматриваться как исходный пункт для определения основных параметров курса обучения, в том числе и языковых.

Коммуникативно ориентированное обучение предполагает сближение учебно-познавательной деятельности учащихся с их коммуникативными потребностями.

Цели обучения студентов-гуманитариев русскому языку связаны в первую очередь с усвоением письменных форм коммуникации, с формированием и развитием навыков и умений читать текст по специальности, извлекать из него необходимую информацию адекватно замыслу автора, интерпретировать, реферировать, аннотировать его, строить на его основе собственные высказывания.

Методика обучения студентов языку будущей специальности нуждается в отборе таких текстов, которые отвечали бы коммуникативным потребностям обучаемых, были интересны, информативно насыщены, проблемны, учитывали не только уровень

языковой подготовки обучаемых, но и уровень их знаний в области будущей специальности, так называемую профессиональную компетентность. Текст как единица обучения представляет собой фрагмент, элемент коммуникации (микротекст), параметры которого определяются с позиций коммуникативной достаточности и структурно-смысловой оформленности при обязательном соблюдении критериев цельности, связности, завершенности, отграниченности.

Цель формирующего эксперимента, который мы проводили, – разработать методику обучения студентов анализу и созданию научного текста по специальности в процессе научной коммуникации на занятиях по курсу «Русский язык и культура речи». Она включает программу, ход и результаты опытного обучения. На основе сопоставительного анализа результатов констатирующего и обучающего эксперимента сделаны выводы об эффективности предлагаемой методики.

Основными **задачами** экспериментального этапа нашего исследования стали:

- определение степени готовности студентов к созданию научного текста;
- отбор опорных и формируемых представлений о научном тексте;
- определение последовательности обучения и содержания каждого экспериментального занятия;
- создание дидактической базы (системы разнообразных средств обучения: текстов-образцов, html-страницы с приложением – тегами);
- осуществление эксперимента в реальных условиях обучения студентов гуманитарных специальностей в рамках программы курса «Русский язык и культура речи».

В соответствии с поставленными задачами в практическую часть исследования мы включили следующие виды педагогического эксперимента:

а) *констатирующий*, где получались сведения об особенностях включения научного текста в педагогическое общение и об исходном уровне знаний о научном тексте как обязательном инструменте будущего специалиста;

б) *поисковый*, где апробировано содержание отдельных этапов, средства и приемы обучения;

в) *формирующий* (собственно обучающий), где реализовывалась система формирования опорных знаний и умений, определенных главной целью исследования.

Для достижения цели исследования, наряду с характеристикой понятия «научный текст», его структуры и содержания, возникла необходимость определить исходный уровень знаний о данном понятии и соответствующие умения студентов-первокурсников. Эти сведения должны были помочь определить содержательную сторону эксперимента. Чтобы решить эту задачу, мы организовали и провели констатирующие срезы, используя следующие диагностические методы:

а) *тестирование* студентов для получения сведений о представлении и использовании специальной (компьютерной) лексики;

б) *наблюдение* за использованием терминологии;

в) *терминологический диктант* (назвать слова по их значению);

г) *лексический диктант* (объяснить значение слов);

д) *анализ текста по специальности*.

Проведение констатирующего эксперимента осуществлялось следующим образом: во-первых, было проведено тестирование, которое выявило уровень знания компьютерной терминологии студентов I курса; во-вторых, проведен терминологический диктант «Знаете ли вы?», в ходе которого выявлены умения понимать компьютерную лексику, которую студенты освоили в ходе изучения школьного предмета «Информатика»; в-третьих, был проведен лексический диктант, в результате которого выявлены умения объяснять и использовать компьютерные термины, изученные в школьной программе по информатике; в-четвертых, был проверен исходный уровень языковой и коммуникативной компетентности студентов-первокурсников. Важным для нас было проверить, насколько сформированы в школьном курсе «Русский язык» умения работать с текстом: выделять главное; отвечать на вопросы, поставленные учителем до и после чтения; самостоятельно задавать вопросы к содержанию текста; анализировать содержание и структуру текста; находить

новые и ранее известные термины; выделять непонятные слова; находить ключевые слова; озаглавливать текст; составлять простой и сложный план; оформлять графическую схему текста; пересказывать текст по плану или схеме подробно, сжато, выборочно; пользоваться сокращенными видами записи информации: планом, тезисами, конспектом, таблицами.

Всего было протестировано 100 студентов факультета русской филологии и культуры ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. В ходе тестирования студентов мы выяснили:

- насколько терминологическая база знаний студента является средством усвоения научной и научно-популярной информации в области информатики;
- как ориентируется студент в информационной компьютерной системе, какие трудности испытывает при нахождении правильного ответа;
- как использует терминологическую грамотность в определенных работах.

Проверка теста показала, что 40% студентов не имеют представления о логико-понятийном уровне термина, о «логико-понятийной производности» тех или иных терминов в структуре соответствующего знания – знания предмета информатики. 25% студентов смешивали значение некоторых дефиниций. И только 35% опрошенных (3-я часть) дали точные ответы на заданные вопросы. Особая трудность возникла в прочтении и восприятии формулировки вопросов. Мы пришли к выводу, что в школьном курсе «Информатики» не давалось четких определений и основных понятий предмета информатики.

Выполняя задание – **терминологический диктант «Знаете ли вы?»** – надо было назвать слова по их значению.

Была предпринята попытка выяснить, насколько хорошо ориентируются студенты в терминологии, которая составляет базу знаний о компьютере и его составляющих в рамках школьного учебника «Информатика» и является базовой для будущего специалиста в области информатики. Мы выяснили, что 25% студентов не могут уловить смысл того или иного термина, 35% студентов путаются в определениях, 40% студентов дают правильные ответы на заданные вопросы.

В ходе работы над **лексическим диктантом** была предпринята попытка выяснить, насколько грамотно студенты могут объяснить терминологическое значение представленных слов, которые составляют базу знаний о компьютере и его составляющих. Мы выяснили, что 15% студентов не могут четко и ясно выразить смысл таких терминов, как *монитор, алгоритм, процессор, интерфейс, файл*. 35% студентов не находят нужных слов, используя, как правило, разговорные выражения. 50% студентов правильно и грамотно описывают слова *байт, пароль, мышь, Интернет, принтер, сканер* и др.

Подводя итог, хотелось бы заметить, что на уровне владения научной терминологией студенты продемонстрировали следующие знания: представленные формулировки ответов близки к вариантам, которые дают специалисты и составители словарей по информатике, но значения терминов раскрыты недостаточно глубоко. Типичные ошибки и трудности, возникшие в ходе работы с терминами, – неполнота ответов, терминологический разнобой, «путаница» в формулировках и значении слов. Таким образом, следует отметить, что студенты имеют представление о составляющих компьютера и некоторых терминах, связанных с информационными технологиями.

Мы предложили **задание аналитического характера**, в ходе которого студентам необходимо было, проанализировав текст, определить предмет речи и авторский замысел, определить стилевую принадлежность текста, сформулировать тезисы и составить логическую схему.

Важным для нас было установить, насколько отработаны в школьном курсе «Русский язык» приемы работы с текстом, и оценить умения: выделять главное; составлять графическую схему текста; анализировать содержание и структуру текста; находить новые и ранее известные термины; выделять непонятные слова; находить ключевые слова в тексте.

В результате проверки ответы студентов в процентном соотношении выглядели следующим образом (Таблица 1).

Результаты проверки ответов студентов (%)

Определить стиль текста	Выделить особенности научной речи	Цель использования маркировки текста	Сформулировать тезисы	Выделить средства, используемые для логического изложения текста	Составить логическую схему текста
79%	37%	79%	35%	30%	79%

В итоге с заданием справилось более 50% учащихся. Трудности возникли с умениями формулировать тезисы, находить средства, используемые для логического изложения текста, а также характеризовать особенности научной речи.

Таким образом, проведенные виды работ свидетельствуют о том, что базовые (школьные) знания по информатике и русскому языку (стилистике, работе с текстом) недостаточно совершенны (типичные ошибки, которые встретились в ряде работ: отсутствие представления о подстилях научного стиля речи – студенты не чувствуют различия между публицистическим и научным стилем и их разновидностями; затруднение вызвало задание, в котором необходимо было выделить средства, с помощью которых достигается логичность изложения); у студентов не сформировалось четкого представления о научном стиле (тексте), об основных научных жанрах, умения формулировать основные положения текста, а также анализировать структуру и содержание текста).

Проблемы, возникающие у студентов при анализе и переработке информации научного текста, связаны с отсутствием прочных знаний о научном стиле речи, жанрах и особенностях научного текста. (Эти выводы были нами учтены при организации опытного обучения.)

Наблюдения за деятельностью студентов на предметах по специальности подтвердили полученные выше данные, помогли выявить особенности работы с научным текстом студентов-первокурсников и позволили сделать выводы о причинах, затрудняющих эффективность использования научного текста в учебной и учебно-научной практике.

Таким образом, приходим к следующим выводам.

Во-первых, студенты поверхностно воспринимают информацию, содержащуюся в тексте, поэтому не могут выделить тезисы, а следовательно, увидеть все составляющие структуры текста и соответственно определить принадлежность текста к определенному стилю.

Во-вторых, читая текст, не придают значения новым словам, терминам и иноязычной лексике, что приводит к недопониманию прочитанного.

В-третьих, работая за компьютером, не осознают важности знания специальной компьютерной терминологии, поскольку не могут обозначить ход своих действий при работе в той или иной программе.

В-четвертых, сообщение информации, связанной с компьютером, происходило посредством общения со сверстниками, без обращения к научной и научно-популярной литературе.

Анализ теоретического материала по проблеме исследования позволил определить базовые понятия для программы исследования: что такое «научный текст», научный функциональный стиль, какие требования предъявляются к отбору материала и оформлению информатического текста. Данные констатирующего эксперимента позволили сделать вывод о востребованности понятия «научный текст» в практических опытах студентов гуманитарных специальностей, о недостаточном уровне сформированности основных текстовых умений первокурсников, о недостаточной их

ориентированности в профессиональном информационном контексте. Исходя из этого, были определены **задачи**, решить которые предстояло при проведении опытного обучения:

- определить исходные положения экспериментальной работы по формированию понятий, связанных с жанровыми особенностями научного текста, уточнить и конкретизировать их;

- отобрать минимум теоретических сведений о содержании, формальной организации, языковом воплощении исследуемого научного текста, необходимых студентам технических специальностей для того, чтобы создавать и использовать научные высказывания определенного жанра как наиболее востребованные в реальной профессиональной речевой практике;

- определить комплекс опорных и формируемых коммуникативных умений, необходимых для создания монологического высказывания на заданную тему, развития специальных и учебно-речевых умений;

- отобрать наиболее эффективные средства обучения; продумать последовательность, методы и приемы введения новой информации на экспериментальных занятиях;

- разработать систему заданий, направленных на формирование профессиональных коммуникативных умений, связанных с включением в учебный процесс монологического высказывания на заданную тематику (проблематику);

- определить критерии оценки результатов опытного обучения и с их помощью проверить эффективность предлагаемой системы обучения.

Формирующий эксперимент (опытное обучение) проводился с группами студентов 1 курса очного отделения по специальностям «Реклама», «Журналистика», «Издательское дело и редактирование» факультета русской филологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. Выбор этих студентов в качестве обучаемых был сделан по следующим причинам: во-первых, изучение научного текста и его жанров является профессионально значимым для студентов этих специальностей, и знакомство с ним в курсе «Русский язык и культура речи», на наш взгляд, уместно; во-вторых, студенты владеют базовыми (опорными) коммуникативными и коммуникативно-методическими умениями, важными для создания и использования научного текста в учебно-речевых условиях; в-третьих, студенты этих специальностей имеют возможность закрепить приобретенные умения в научной студенческой конференции, которая ежегодно проводится в вузе.

При определении исходных положений формирующего эксперимента, круга опорных и формируемых понятий мы учитывали то, что его участники (студенты первого курса) освоили минимум школьной программы: понятия «текст», «жанр», базовые умения работы с текстом (составление плана, схемы текста, анализа содержания и структуры).

Кроме того учитывалось, что участники эксперимента имели базовые знания по информатике в рамках школьной программы.

На основе анализа теоретических сведений о научном тексте, путях и способах его изучения; определении жанров и жанрообразующих факторов научного дискурса, опираясь на выводы об особенностях научного текста, о подстилях научного стиля, мы определили **формируемые понятия**. В их число вошли сведения о научном тексте как профессиональном речевом жанре студента гуманитарного факультета, об основных компонентах ситуации его использования, о разновидностях, комплексной природе и структурно-композиционных частях и др.

Реализация опытно-экспериментальной программы учитывала, что студенты не имеют опыта создания и использования научного текста, но они обладают (как показал констатирующий эксперимент) общим представлением, сложившимся во время обучения на факультете, о цели включения данного текста в учебный процесс, о характере его микротеме, о языковом воплощении. Мы выделили **опорные коммуникативные умения** для создания научного текста: отбирать в первоисточниках необходимую информацию, создавать пересказы в разнообразных жанровых формах

вторичного текста, включать во вторичный текст оригинальные, самостоятельно созданные части, осуществлять стилистическую правку текста и т.д., которые определены в школьной программе и должны быть актуализированы в системе опытно-экспериментальной работы.

Формируемые коммуникативные умения были выделены в соответствии с кругом формируемых понятий, усвоение которых необходимо для осознания жанров научного текста, и в соответствии с данными констатирующего среза о характере трудностей, возникающих у студентов при создании и анализе научных текстов. Понятие о смешанной структурно-смысловой модели информатического текста потребовало включения в программу специальных умений, обеспечивающих анализ и переработку информации в научном дискурсе. Таким образом, *специальные коммуникативные умения*, которые были сформулированы и включены в программу, должны были помочь студентам овладеть опытами анализа, переработки и использования научной информации в текстовой деятельности в профессиональной сфере.

Формирование необходимых умений проходило в ходе выполнения **коммуникативных заданий** (они легли в основу методов и приемов обучения), за основу взята типология упражнений Т. А. Ладыженской.

1. Задания аналитического характера, требующие углубленного содержательного или сравнительного анализа нескольких текстов-образцов, например:

«Прочитайте микротексты. Какая часть соответствует тезису? Какой фрагмент можно рассматривать как аргументированную часть?» (задание № 2 занятия первого занятия);

«В данных микротекстах выделите основную и уточняющую информацию. Укажите повторяющиеся ключевые слова» (задание № 4 первого занятия);

«Прочитайте аннотации. Выделите в них структурные части. Оцените данные части с точки зрения соответствия жанру: все ли необходимые структурно-смысловые части присутствуют, достаточно ли полно раскрыто содержание рецензируемых книг» (задание № 1 второго занятия).

2. Задания аналитико-конструктивного характера, направленные на поиск ответов на определенные вопросы и выполнение заданных коммуникативных действий, например:

«Прочитайте реферат научной статьи из реферативного журнала, выделите его структурные компоненты. Определите вид реферата» (задание № 5 второго занятия);

«Прочитайте научно-популярную статью. Выделите структурно-смысловые компоненты текста. Какие смысловые части представлены во введении? Составьте план основной части текста» (задание № 3 третьего занятия).

3. Задания, которые требуют переработки готового текста-образца, на основе чего возникают усовершенствованные, новые или обновленные переработанные варианты, например:

«В приведенных ниже предложениях найдите лишние слова и выражения, «общие фразы», устранили многословие, исправьте текст» (задание № 7 третьего занятия);

«Прочитайте текст статьи по вашей специальности. Переработайте текст в доклад. Рекомендации: запишите текст доклада. Подготовьтесь к произношению. Прочитайте текст в аудитории» (задание № 11 третьего занятия);

«Продолжите и запишите рассуждение «Что такое компьютер», соблюдая принципы создания текста в научном стиле. Используйте следующие подсказки: принцип действия компьютера, механические первоисточники, математические первоисточники, методы классификации компьютера» (задание № 8 третьего занятия).

4. Творческие задания, которые требуют создания схемы, плана, отражающих анализируемые особенности жанра, или создания и использования своего научного текста в лабораторных условиях:

«Прочитайте текст. Составьте реферат-резюме и текстуальный конспект. Чем отличаются тексты конспекта и реферата-резюме?» (задание № 8 третьего занятия);

«Прочитайте научно-популярную статью. Выделите структурно-смысловые компоненты текста. Какие смысловые части представлены во введении? Составьте план основной части текста» (задание №3 четвертого занятия).

Средства обучения, используемые в опытно-экспериментальной работе, включали следующие дидактические единицы:

– *тексты-образцы* различных жанров (об ИКТ, рекламе, заметки и т.п.), которые применялись для сопоставительного анализа; фрагменты научных и научно-популярных текстов, которые использовались для особых научных и учебно-научных жанров: характеристики внутреннего жанрового наполнения, структурно-смысловых частей реферата, аннотации, статьи; для исходных текстов на заданную тему; для заданий аналитико-конструктивного типа; для создания научного текста заданного жанра в самостоятельной работе студента;

– *таблицы, схемы*, которые использовались для введения новых сведений, помогали представить информацию о жанрообразующих факторах научного текста в обобщенном, сжатом виде, что значительно облегчало формирование основных умений, экономило время, способствовало более эффективному восприятию сведений;

– *образцы web-страниц*, которые использовались как в аналитических, так и в конструктивных опытах студентов для создания сайта или странички (на выбор) с учетом построения текста в html.

Все представленные в программе опытно-экспериментальной работы дидактические материалы были отобраны с учетом тех специальных умений, которые предстояло сформировать; с соблюдением требований доступности и методической уместности; с учетом тематической соотнесенности представленных материалов с будущей профессией.

Источниками текстов-образцов послужили специализированные учебные издания, электронные журналы.

Система методов и приемов опытного обучения анализу и продуцированию научных текстов была разработана в соответствии с общедидактическими и частнометодическими принципами обучения. **Научность преподавания** осуществлялась на этапе введения информации о тех жанровых и стилеобразующих признаках, которые являются устоявшимися; при знакомстве с терминологией, признанной большинством исследователей (например, web-сайт, каталог, сообщение и др.). **Принцип наглядности** позволил обеспечить применение таблиц, схем, web-страниц, иллюстрирующих основные положения обучения, что способствует эффективной передаче информации. **Принцип сознательности и творческой активности** обучения повлек за собой использование приемов, которые относятся к творческим, эвристическим: эвристическая беседа, подготовка устных выступлений по специальности, создание web-сайта или web-странички и др. **Принцип прочности знаний** соблюдался в ходе выполнения заданий комплексного характера, завершающих занятия, и проверки опережающего домашнего задания. Итоговые контрольные задания позволили определить уровень усвоения материала по теме «Научный текст».

Локальная программа опытно-экспериментальной работы включала 4 аудиторных занятия и итоговое занятие (его целью было проверить приобретенные умения и навыки работы с научным текстом). Задача аудиторных занятий – дать представление о научном тексте, о подстилях научного стиля, об основных научных жанрах, об основах компьютерной грамотности; сформировать основные умения, обеспечивающие эффективное владение научной информацией в ходе анализа или создания специального текста.

Участниками формирующего эксперимента являлись студенты одних и тех же специальностей, что позволило апробировать разработанную систему упражнений по теме «Научный текст» и проанализировать полученные результаты.

Общая цель занятий – научить студентов анализировать структуру научного текста, создавать и использовать научный текст разных жанров в реальной речевой деятельности. Поэтому в систему опытного обучения студентов были включены такие методы и приемы обучения и контроля сформированности знаний и умений, как анализ

письменных текстов-образцов, индивидуальный и коллективный риторический анализ текстов-образцов, редактирование научного текста, оформление схематических рисунков, таблиц, создание собственных высказываний на заданную тему, веб-сайтов/html-страничек.

Ссылки / Reference

- [1] Баранов М. Т. Выбор упражнений для формирования умений и навыков / М. Т. Баранов // Русский язык в школе. – 1993. – № 3. – С. 36 – 43.
- [2] Купалова А. Ю. Типология упражнений //Методика развития речи на уроках русского языка / Богуславская Н. Е., Капинос В. И. и др. / Под ред. Т. А. Ладыженской. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 1991. – С. 15 – 17.
- [3] Купина Н. А. Работа над словом // Методика развития речи на уроках русского языка / Богуславская Н. Е., Капинос В. И. и др. / Под ред. Т. А. Ладыженской. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 1991. – С. 110 – 140.
- [4] Ладыженская Т. А. Связная речь. Методика развития речи на уроках русского языка / Богуславская Н. Е., Капинос В. И. и др. / Под ред. Т. А. Ладыженской. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 1991. – С. 192 – 208.

УДК 811

Доминантная лексика в писательской лексикографии

Э. Н. Шехтман¹, Т. В. Шульдешова²¹Оренбургский государственный
педагогический университет,²Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова

E-mail: tan-shul@yandex.ru

Научная статья

В статье показано, что инструментом воплощения авторского замысла в художественном произведении могут служить слова с частотностью, повышенной по сравнению с языковой частотностью, зафиксированной в специальных словарях. Такие слова называются в статье доминантным словарём писателя и рассматриваются на материале произведений Айрис Мэрдок. В статье показано, что доминантная лексика образует обозримое число семантических полей, члены которых проявляют характерные для поля признаки (смысловая аттракция и взаимопределяемость элементов). Повторяющиеся в тексте наиболее частотные слова конкретной семантики демонстрируют тенденцию к превращению в символы.

Ключевые слова: доминантная лексика, писательская лексикография, частотность, семантическое поле, символ.

Dominant vocabulary in writer's lexicography

E. N. Shekhtman¹, T. V. Shuldeshova²¹Orenburg State Pedagogical University²P. G. Demidov Yaroslavl State University

Scientific article

The article demonstrates that one of the instruments of the embodiment of the author's message in a work of art is the writer's vocabulary in its part which shows the rise of frequency as compared to linguistic frequency of the same words fixed in frequency registers of special dictionaries. This part of the writer's vocabulary is termed the writer's dominant vocabulary and is studied on the basis of the works of Iris Murdoch. The article shows that the dominant vocabulary breaks up into a number of semantic fields whose constituents are characterized by semantic attraction and interdependence in definitions of the field elements. Most frequent words of concrete semantics show a pronounced tendency of becoming symbols.

Keywords: dominant vocabulary, writer's lexicography, frequency, semantic field, symbol.

Идеи, наиболее важные для автора, получая воплощение в словах, должны быть выделены в тексте так, чтобы попасть в поле зрения читателя. В данной статье мы хотим показать, что инструментом воплощения авторского замысла служат часто повторяющиеся в тексте произведения слова. Если же эти слова призваны выразить единую мысль, целостное мировоззрение писателя, то они, вероятно, должны относиться к обозримому числу семантических полей, представляющих собой систему.

Под доминантным словарем писателя понимаются те слои словаря, которым данный автор отдает, часто неосознанно, предпочтение при создании произведения.

Этот словарь может быть вычленен с помощью строго научных, лингвистических и статистических методов, таких, например, как подсчет частотностей слов в рамках целого текста, сопоставление полученных частотностей со словарными частотностями данных единиц, лексические трансформации.

Материалом исследования послужил роман классика современной британской литературы Айрис Мэрдок [Iris Murdoch (1919–1999)] "A Fairly Honourable Defeat" [1], вышедший на русском языке под названием «Честный проигрыш».

Как полагает И. М. Левидова [2], суть романа – «несостоятельность самоуверенного и претенциозного теоретизирования на темы этики и психологии» перед лицом зла. Философ-неоплатоник Руперт Фостер, рассуждающий о спасительной силе любви, оказывается (как, впрочем, и его брат Саймон, жена Хильда, ее сестра Морган)

беспомощной марионеткой в руках демонического Джулиуса Кинга, убежденного, что эгоизм – главное побуждение личности в любой ситуации.

Текст романа был исходным моментом, хотя данные о строении полей были получены уже из словарей.

Существует много способов тематического и идеографического членения словаря, многообразны и определения термина «поле», начиная от Йоста Трира, который под семантическим полем понимал понятийную сферу, круг понятийного содержания языка (Sinnbezirk, Begriffsfeld). Й.Трир обращает внимание и на способ взаимодействия данного элемента плана содержания с планом выражения, а точнее, со словарным составом языка. Такие понятийные сферы, проецируясь на языковую плоскость, членятся, приобретая строгую очерченность, образуя более мелкие «понятийные поля».

В отечественной лексикологии теория поля разрабатывалась А. А. Уфимцевой, А. Я. Шайкевичем, Ю. Д. Апресяном, Г. С. Щуром. Они по-разному трактуют термин «поле», но обращает на себя внимание принципиальное отличие определения, данного Г. С. Щуром, от определения Йоста Трира. Г. С. Щур проводит *разграничение* полей лингвистического и понятийного (или ассоциативного), отмечая, что «поле в языке является лингвистической, а не понятийной или ассоциативной категорией» [3; с. 162].

Для семантического поля характерны следующие признаки:

1) обширность, 2) смысловая аттракция, а не бинарное противопоставление, 3) целостность, 4) упорядоченность, 5) взаимоопределяемость элементов (каждый элемент «прилагает» к соседям), 6) полнота, 7) произвольность и размытость границ, 8) непрерывность [см.: 1; с. 127].

Проблема полей и разнообразие в их определениях обуславливают необходимость оговорить, что понимается под семантическим полем в данной работе: *семантические поля* – это идеографические группы, объединяющие слова, независимо от их принадлежности к той или иной части речи, на основе общности их значения (семантической близости), и обладающие собственным строением, предполагающим доминанту, ядро и периферию. Так, к одному и тому же семантическому полю *покоя, защищенности* нами были отнесены слова: *peace* (существительное), *quiet* (прилагательное), *protect* (глагол).

Это определение предпочтительно тем, что при таком понимании поля все данные о нём могут быть получены непосредственно из текстов и словарей, то есть сугубо лингвистически. Мы основывались, как сказано выше, на предположении, что слова, характерные для словаря данного писателя, должны обладать повышенной по сравнению с установленной словарями частотностью, что они благодаря этому должны обращать на себя внимание при чтении и, возможно, отражать авторскую точку зрения, видение мира, философскую позицию.

Первоначально интуитивно были выделены списки слов, повторяющихся заметно чаще других. Для доказательства принадлежности отобранной лексики к доминантному словарю писателя подсчитывались частотности слов по тексту романа и затем сопоставлялись с частотностями этих слов в языке, установленными Торндайком и Лорджем [5], например:

Таблица 1

Слово	Количество повторений его в тексте романа	Частотность по Торндайку и Лорджу	Частотность в тексте
demon	7	8	≈56
destiny	8	17	≈64
fate	11	50	≈88

У Торндайка и Лорджа частотность даётся на миллион слов, поэтому для подсчитанного количества слов текста романа “A Fairly Honourable Defeat” (≈ 122 000) был установлен коэффициент, позволяющий сопоставлять частотности,

то есть $1\,000\,000 : 122\,000 \approx 8,2$, на который умножалось количество встречаемостей слова в тексте романа. Как правило, частотность в тексте действительно оказывалась намного выше установленной языковой частотности. Подсчет этого соотношения для других романов Айрис Мэрдок подтвердил данный вывод:

Таблица 2

Слово	Частотность по Торндайку и Лорджу	Частотность данного слова в романе "Henry and Cato"	Частотность данного слова в романе "The Time of the Angels"
demon	8	≈72	≈90

Как обнаружилось в ходе выявления доминантного словаря Айрис Мэрдок, высокочастотные слова распадаются на восемь более или менее чётко очерченных семантических полей, условно названных так: 1) suffering, 2) irrationality, 3) evil forces, illusion, fate, 4) darkness, 5) violence, destruction, 6) power : slavery, 7) helplessness, 8) defeat. В названиях перечисленных полей отражены значения, которые имплицитно присутствуют во всех словах поля, что подтверждается методом лексических трансформаций и изучением соответствующих статей тезауруса П. М. Роже [6] для выявления всех компонентов значения слова.

Поле *evil forces, illusion, fate* объединяет идеографические группы со значением *иллюзорного, обманчивого видения окружающего, зловещего предчувствия судьбы как рока*. Их объединяет как сверхъестественный характер, так и идея враждебности окружающего человеку.

Поле *violence, destruction* состоит из двух идеографических групп, – именно с помощью слов *violence* и *destruction* интерпретируются почти все слова этого поля. Общность поля подтверждается и тем, что у Роже группы 162 – *destruction* и 173 – *violence* отнесены к одному подклассу 3. *Power in operation (Section VIII. Causation; Class I. Abstract Relations)*. Сюда же мы отнесли большую группу глаголов действия типа *kick, push, tear*, которые содержат компонент значения «*violence*», однако в силу своей разной экстралингвистической отнесённости разбросаны Роже по разным классам.

Говоря о поле *helplessness*, необходимо отметить, что сюда были отнесены и такие слова, у которых значение «*беспомощность*» является окказиональным, что было обусловлено самим подходом к обнаружению структуры поля исходя из текста. В частности, по этой причине членами данного поля мы посчитали слова *robots* и *puppets*, использованные в контексте романа для характеристики беспомощности героев.

Наконец, особо необходимо остановиться на поле *defeat*. Слова со значением «*поражение*»: *defeat, surrender, escape* и им подобные учащаются по мере развития повествования. Они очень многочисленны (их 79), что усиливает идею неизбежности поражения. Важным обстоятельством является присутствие слова *defeat* в заглавии романа, которое является *сильной позицией* в теории о выдвиганиях. По мнению И. В. Арнольд, содержанием этой позиции «...является очень важная для текста в целом информация. Содержание сильных позиций становится понятным и значительным в процессе взаимодействия с остальным текстом» [7; с. 31].

В то же время в тексте очень часто встречаются слова, выражающие противоположную систему понятий – идеи *добра, мира, покоя, защищенности*, к которым тщетно стремятся герои: *peace, relief, rescue, shield, protect, quiet, quiescent, good, free, invulnerable*. Однако их употребление характеризуется, как правило, негативным по семантике, а иногда содержащим эксплицитное отрицание, контекстом. Например:

No, one could hear insects, a quiet incessant buzzing, not peaceful, rather frenzied really... [1; p. 184].

'Well, nothing in the world', said Peter, 'is intact and precious and absolutely beautiful. Everything is contaminated and muddled and nasty and slimed over and cracked.' [1; p. 189].

The insects buzzed and whispered and behind their small patient frenzy the hot stifling air sighed with its own stillness [1; p. 189].

Как видно из перечисления обнаруженных полей, мы старались в их названиях найти то значение, которое хотя бы имплицитно, присутствовало во всех словах данного поля. Так, слово *shadow* включено в поле *illusion*, хотя слово *illusion* не найдено при просмотре интерпретаций слова *shadow* в словарях. Однако слово *unsubstantiality*, с помощью которого интерпретируется слово *shadow*, объясняется у Роже как раз с помощью слова *illusion*. То есть опосредованно *illusion* всё же входит в семантическую структуру слова *shadow*, что даёт основание включить последнее в поле, названное *illusion*.

Если выделенные слова образуют семантические поля, необходимо выяснить, какова структура этих полей. Остановимся на поле *supernatural beings* – «сверхъестественные силы». К нему относятся следующие слова: *angel, apparition, deity, deify, demon, devil, genius, ghost, god, haunt, idol, magic, mystic, mythical, saint, unworldly*, – отмеченные в романе “A Fairly Honourable Defeat”, а также *Domovoi, goddess, Lucifer, nymph, Parvati, Shiva, spirit* в романе “The Time of the Angels”. Для выделения доминанты поля методом лексических трансформаций установим общий компонент значения перечисленных слов, для чего воспользуемся словарём *The Concise Oxford Dictionary* [8]. Рассмотрим толкования этих слов.

Анализ интерпретации всех этих слов в *The Concise Oxford Dictionary*, позволяет прийти к выводу о том, что каждое из них содержит в своём толковании хотя бы один из следующих трёх элементов: *supernatural (being), occult (esoteric), spirit (ghost)* – прямо или опосредованно, например, в слове *idol* через наличие в его толковании значения *god*, в котором, в свою очередь, содержится значение *supernatural*.

Таблица 3

Слово	Толкование в словаре <i>The Concise Oxford Dictionary</i>
<i>angel</i>	Divine messenger; lovely or innocent being; minister of loving offices; old English coin; good, evil, etc. attendant <i>spirit</i>
<i>apparition</i>	Appearance, especially of a <i>supernatural being; ghost</i>
<i>deity</i>	Divine status, quality or nature; a <i>god, the Creator</i>
<i>devil</i>	Supreme <i>spirit</i> of evil; tempter of mankind, enemy of God, Satan; Heathen god, evil <i>spirit</i> possessing demonic <i>supernatural</i> malignant being, wicked or cruel person, ...
<i>demon</i>	<i>Supernatural</i> being, inferior deity, <i>spirit, ghost</i> , in-dwelling or attendant <i>spirit, genius; evil spirit; heathen deity; malignant supernatural</i> being; cruel, malignant destructive or fierce person; personified vice or passion
<i>god</i>	<i>Supernatural</i> being worshipped as having power over nature and human fortunes, deity; image worshipped as symbolizing divine power, idol; person; supreme being...
<i>genius</i>	Tutelary <i>spirit</i> of person, place,...good, evil s. - one of two opposed <i>spirits</i> or angels supposed to attend each person who powerfully influences one for good or ill; ...
<i>ghost</i>	Principle of life; <i>spirit</i> of God (Holy <i>Ghost</i>); soul of dead person, apparition, spectre; literary hack
<i>haunt</i>	Frequent (place); frequent company; visited by <i>ghost; ghost</i>
<i>idol</i>	Image of deity, used as object of worship; false <i>god; person</i> or thing that is the object of excessive devotion...
<i>magic</i>	The pretended art of influencing the course of events by <i>occult</i> control of nature of <i>spirits, witchcraft, involving invocation of devils, angels...</i>
<i>mythic(al)</i>	Purely fictitious narrative usually involving <i>supernatural</i> persons...
<i>mystic(al)</i>	<i>Spiritually</i> allegorical, <i>occult, esoteric, mysterious, awe-inspiring; one</i> who seeks to obtain union with deity or who believes in spiritual apprehension of truths beyond understanding...
<i>obsess(ion)</i>	Of evil <i>spirit, delusion</i> of fixed idea, haunt, harass, preoccupy, fill mind of...

Этот вывод подтверждает наличие смысловой аттракции и взаимоопределяемости компонентов поля. Слова, которые относятся к одному полю, постоянно используются для толкования друг друга. Самые часто встречающиеся слова (значения), постоянно

используемые для интерпретации других слов, самые многозначные элементы, объединённые данной семантикой, составляют *ядро поля*.

Многозначность элементов поля не позволяет замкнуть его границы. Например, если обратиться к полному толкованию слова *demon*, то в нём обнаруживаются компоненты значения *evil, malignant, wicked, torment, affliction, destructive, harm, violent*, относящиеся и к полю *violence, destruction*, и к полю *evil forces*.

Исследователями отмечено, что «многозначность конститuentов создает возможность для участия одного конститuenta в нескольких полях в качестве доминанты одного поля (микрoполя) и периферийного средства другого» [9; с. 10]. Поля не просто соприкасаются, а пересекаются и взаимодействуют. Так, особенно тесно связанными с названным полем оказываются поля, обозначенные как «иллюзорность», «силы зла», «судьба». Очевидно, это объясняется тем, что перечисленные идеографические группы призваны в своей совокупности выразить идею враждебности и непостижимости окружающего, бессознательное стремление человека оградить и оправдать себя в мире господствующего зла путём самоуспокоения, самообмана, самовнушения в объективности и непобедимости сил, противостоящих ему. Более опосредованно поле *supernatural beings* – «сверхъестественные силы» – взаимодействует с другими полями, что подтверждает тезаурус Роже.

Повторяющиеся в тексте наиболее частотные слова распадаются на слова абстрактной и конкретной семантики. Рассмотрим один пример. Слово *pool* (в тексте романа *swimming pool*) имеет языковую частотность 34 на 1 000 000 (данные словаря Торндайка и Лорджа). В тексте романа оно повторяется 40 раз, то есть его частотность возрастает до 320 на 1 000 000. Было сделано предположение, что и конкретные имена, обладающие столь ярко выраженной повышенной частотностью, должны, пусть более опосредованно, чем абстрактные, выражать мировосприятие автора, приближаясь к символам. Е. Н. Чебаевская исследует повторение отдельного слова на протяжении целого текста, замечая, что, если абстрактные имена в результате конкретизируются, то конкретные, повторяясь, приобретают абстрагировано-символическое звучание. Однако «далеко не каждое повторяющееся слово достигает силы обобщения, присущей символу. Это зависит не только от того, как часто слово повторено, от дистанции между компонентами повтора, от преобразующей роли микроконтекстов, но и от исходной семантики слова» [10; с. 120]. В преобразовании семантики конкретных имён намечаются два пути.

1. «Конкретные имена усиливают связь с денотатом. Сигнификат таких имён стремится к минимуму. Их контекстуальные значения не претерпевают больших изменений, поэтому поэтическое значение их оказывается наименее предсказуемым, наиболее имплицитным. На основе повтора такого типа на уровне целого возникают метонимические символы» [10; с. 121].

2 «Конкретные имена стремятся к отрыву от денотата и к связи с абстрактными понятиями. В результате этого процесса возникают метафорические символы, суть которых заключается в движении от чувственно воспринимаемого к абстрактной идее» [10; с. 121].

Плавательный бассейн, появляясь в начале романа как источник невинных наслаждений Фостеров, постепенно начинает играть в судьбах героев все более зловещую роль. Сначала Джулиус Кинг превращает его в орудие пытки, издеваясь над Саймоном, потом убитая горем Хильда находит в нем утонувшего ежика, наконец, в бассейне тонет Руперт и чуть не погибает Морган. Слово *pool*, сохраняя свое словарное, и узуальное, и контекстуальное значение, не претерпевают изменений, то есть, по терминологии Е. Н. Чебаевской, возникает метонимический символ. Не ситуация, а сам бассейн кажется Морган странным и страшным в одной из заключительных сцен романа: “The swimming pool looked somehow odd. ... Something weird and awful was in the pool, seeming to occupy nearly all of it. Something dark, like a huge dangling spider.” [1; p. 423]. Метонимичность символа более явственна, чем метафоричность; последняя отчётливее проступает на фоне аналогичных образов в других произведениях Айрис Мэрдок, например, озеро в «Колоколе», море в «Бегстве от волшебника», море и в других романах («Пора ангелов»,

«Дикая роза», «Море, море»). В авторской системе образов море символизирует бессознательное, в европейской литературной традиции – жизненную стихию.

Конечно, частотность слова *pool* в других произведениях писательницы значительно ниже, так, например, в романе “Henry and Cato” его частотность 24. Но представляется, что такие взлёты частотности даже в одном произведении не должны оставаться без внимания. Изучение доминантной лексики писателя наиболее показательна на материале всех произведений автора, когда её выявление, описание и изучение как системы позволяет охарактеризовать эволюцию авторского мировоззрения. Однако в случае Айрис Мэрдок, профессиями которой всегда называли философию и писательское мастерство, анализ и одного произведения дает возможность познакомиться с ее взглядами на человеческую природу и сделать вывод о том, что здесь она выступает как философ и мастер тонкого психологического анализа.

Ссылки / Reference

- [1] Murdoch, Iris. A Fairly Honourable Defeat. Penguin Books in association with Chatto & Windus, Harmondsworth, Middlesex, England, 1975. 448 p.
- [2] Левидова И.М. Читая романы Айрис Мердок... // Иностранная литература. 1978. №11. С. 208–216.
- [3] Щур Г. С. Теории поля в лингвистике. М.: Наука, 1974. 255 с.
- [4] Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М.: Русский язык, 1980. 256 с.
- [5] Thorndike and Lorge – Thorndike, Edward L., Lorge, Irving. The Teacher’s Word Book of 30,000 Words. Teachers College, Columbia University. New York, 1959. 274 p.
- [6] Roget’s International Thesaurus. Thomas Y. Crowell Company, New York, 1958. 1194 p.
- [7] Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. М.: Просвещение, 1978. №4. С. 23–31.
- [8] The Concise Oxford Dictionary of Current English. First ed. by H. W. Fowler and F. G. Fowler. Seventh Edition ed. by J. B. Sykes. Bombay, by arrangement with Oxford University Press, Oxford, 1987. 1264 p.
- [9] Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969. 184 с.
- [10] Чебаевская Е.Н. Об отношениях диспропорции между значениями повторяющегося слова в структуре художественного прозаического целого // Интерпретация художественного текста в языковом вузе: сб. науч. тр.; И. В. Арнольд (отв. ред.). Л. : Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1981. С. 114–123.